

На крыльце старой веранды такого же старого одноэтажного дома сидит в кресле-качалке молодой человек, которого все окружающие давно уже считают идиотом. Рядом находится бульжная мостовая, видна панорама старых, покрытых потемневшей черепицей домов, с крест-накрест заколоченными окнами и дверьми. Где-то недалеко находится море. В этом заброшенном городе у людей нет собственных имен, а только лишь прозвища. Идиота в кресле зовут Графом, девушку, которой он когда-то в детстве клялся в любви – Анной, мать его – Афродитой.

- [Сергей Могилевцев](#)

-

- [ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ](#)

-

- [Явление первое](#)

- [Явление второе](#)

- [Явление третье](#)

- [Явление четвертое](#)

- [Явление пятое](#)

- [Явление шестое](#)

- [Явление седьмое](#)

- [ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ](#)

-

- [Явление первое](#)

- [Явление второе](#)

- [Явление третье](#)

- [Явление четвертое](#)

- [Явление пятое](#)

- [Явление шестое](#)

Сергей Могилевцев

Граф и Анна

комедия в двух действиях

На крыльце старой веранды такого же старого одноэтажного дома сидит в кресле-качалке молодой человек, которого все окружающие давно уже считают идиотом. Рядом находится булыжная мостовая, видна панорама старых, покрытых потемневшей черепицей домов, с крест-накрест заколоченными окнами и дверьми. Где-то недалеко находится море. В этом заброшенном городе у людей нет собственных имен, а только лишь прозвища. Идиота в кресле зовут Графом, девушку, которой он когда-то в детстве клялся в любви – Анной, мать его – Афродитой. Граф уверен, что некогда совершил ужасный поступок, и наказан за это вечным сидением в кресле-качалке, став всеобщим посмешищем и козлом отпущения для целого города. Его друзья, – Старик и Анна, – пытаются помочь ему, и убеждают, что это не так. Но Граф неизлечим, и помочь ему невозможно. Это первый смысловой слой пьесы. Слой второй, глубинный, ставит все с ног на голову: весь этот страшный, призрачный город выдуман самим Графом, этим идиотом, сидящим в кресле-качалке, и все жители этого города всего лишь персонажи пьесы, написанной им. И пьеса эта в конце-концов подходит к концу, к финалу, в котором происходят удивительные метаморфозы, тоже придуманные автором пьесы. Его любовь детства Анна превращается в хитрую и расчетливую интриганку, Старик становится его отцом, вернувшимся из дальних странствий, Афродита занимает его место в кресле-качалке, а сам Граф докапывается наконец-то до тайны, тщательно скрываемой от него, и становится совершенно свободным. А сама пьеса превращается в захватывающий психологический детектив.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г р а ф.

А н н а.

С т а р и к.

А ф р о д и т а.

К у б ы ш к а.

Ч е с н о ч о к.

К р а с а в ч и к.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Панорама небольшого приморского города, бесконечные крыши и синее море на горизонте. Веранда старого одноэтажного дома: деревянные рассохшиеся половицы, старая этажерка с гипсовой копилкой-свиньей, старый стол со стаканом, подстаканником и желтой оббитой сахарницей; посередине, лицом к перилам и морю, Г р а ф в кресле-качалке, такая же часть мебели этой убогой веранды, как и все остальное. Сзади стена с трещиной, проходящей от пола до потолка, дверь и окно, закрытое занавеской. Сверху деревянный навес с потемневшими от дождей деревянными резными наличниками. Видна часть кривой улицы с мощеной булыжником мостовой и глухими фасадами старых домов, окна и двери в которых крест-накрест заколочены старыми, потемневшими от времени досками.

Явление первое

Г р а ф, неподвижно застывший в кресле-качалке.

Г р а ф (*смотрит в сторону моря, говорит сам с собой*). Странно, чем больше смотришь в сторону моря, тем больше находишь в нем разных оттенков, полутонов, игры света и тени, как будто заглядываешь в огромное волшебное зеркало. Уж кто-кто, а я знаю, как должно выглядеть море; море и крыши; и еще эти старые веранды домов со старыми, потемневшими от дождей коньками навесов, растрескавшимися, давно некрашеными половицами, столами, стульями, этажерками, и, конечно же, стоящими на них пузатыми копилками-свиньями, в брюхе которых постоянно что-то звенит. Постоянно бурчит. За последние годы я, безусловно, стал профессором в вопросах, связанных с морем, крышами домов, чердаками, поломанными коньками навесов, разохшимися половицами и гипсовыми копилками-свиньями. (*Усмехается.*) Нет, что касается гипсовых копилочек-свиней, в брюхе которых постоянно что-то звенит, то в этой области я, пожалуй, утру нос любому профессору. В этой области я академик, и, конечно, никак не меньше. (*Поворачивает голову к этажерке, на которой стоит гипсовая копилка-свинья.*) За последние девять лет я ничего так досконально не изучил, как вот эти гладкие, округлые формы, вот эти жирные, лоснящиеся от довольства бока, вот эти короткие, с раздвоенными копытцами ножки, вот этот розовый, лоснящийся от сытости пяточок, и, конечно же, огромный, ненасытный живот, в котором вечно звенит что-нибудь медное и даже серебряное. Звенит людское звонкое счастье. Чужое счастье, надо сразу же заметить по справедливости, ибо ко мне, идиоту, живущему на всем готовом и ни в чем не знающем ни нужды, ни проблем, это чужое людское счастье, конечно же, никакого отношения не имеет. (*Грустно улыбается.*) Ну и слава Богу, что не имеет. Идиоты не должны много иметь. Им нельзя желать слишком многого, а то, чего доброго, они вообразят себя настоящими, нормальными, отвечающими за свои поступки людьми, и тогда, как говорит моя мама, некого будет прибить под горячую руку. (*Виновато улыбается в сторону з р и т е л е й.*)

Пауза.

Мою маму зовут Афродитой, и это ее второе, ненастоящее имя. В нашем городе у всех людей почему-то вторые, ненастоящие имена. Маминых подруг зовут Кубышка и Чесночок, соседа-бармена из пивнушки на набережной – Красавчик, меня – Графом, и только у Анны ее настоящее, данное ей при рождении имя. Вот не пристают к ней нисколько вторые, придуманные нашими кумушками имена, и все тут, как они не стараются выдумать Анне что-нибудь подходящее. Они вечно собираются здесь у нас на веранде: Кубышка, Чесночок и Красавчик, – и вместе с моей мамой, которую, как вы уже знаете, зовут Афродитой, обсуждают новейшие сплетни нашего города. Впрочем, все новейшие сплетни нашего города – это хорошо забытые старые сплетни. Что сколько стоит, почему такая дороговизна и отчего так быстро тухнет на солнце рыба, сколько денег – отдельно медных и отдельно серебряных – может вместить одна свиная кубышка; отчего такое плохое правительство; отчего Анна не выходит замуж за бармена Красавчика, и, наконец, отчего я такой идиот? О, это последнее – отчего я такой идиот? – обсуждается на нашей веранде уже бесконечное количество лет, если точнее – то ровно девять, из вечера в вечер, и непременно при моем молчаливом присутствии. Я уже так привык к этим вечерним обсуждениям моего ужасного и возмутительного идиотизма, что стал считать их вполне естественными, нормальными, как закаты и рассветы на море, смену красок во время шторма и шторма, или улыбку на лице нашей Анны. В это время я обычно думаю о чем-то приятном: о том, что море, очевидно, живое, и только притворяется, что оно неразумное и не понимает людей; о том, что чайки – это, наверное, белые ангелы, которые только притворяются

неразумными птицами, а по ночам, когда их не видно, улетают в небесные потайные чертоги; о том, что Анна постоянно всем говорит, что я не идиот, а вполне нормальный, отвечающий за себя человек, который должен лишь сделать усилие, и вспомнить все, как было на самом деле. Об этом последнем – о том, чтобы вспомнить, как все было на самом деле, – я тоже думаю довольно много. Но моя мама говорит, что я не должен ничего лишнего вспоминать, что моя вина и так всем ясна и видна, как прозрачное стеклышко, что хуже меня вообще нет идиота, и что вообще хватит на эту тему распространяться. Ну что же – хватит, так хватит. Идиотам вообще не положено ни на какие темы распространяться.

Пауза.

Солнце садится, скоро наступит вечер, и тогда море изменит свой цвет: из яркого и блестящего, словно зеркало, в котором отражается солнце, и на которое в полдень невозможно смотреть, оно превратится в чистое и спокойное озеро, в глубине которого можно увидеть много чудесных вещей: раковины, кораллы и крабы, множество пестрых и ярких рыб – о них так хорошо рассказывает Старик. Мы иногда – когда мама умилюстивится и позволяет мне ненадолго уйти – бродим с ним вечерами по берегу тихого моря, ворошим груды гниющих водорослей, разгребаем палками кучи камней и обточенных прибоем ветвей; бывает, что в этих грудках можно найти кое-что по-настоящему ценное; конечно, сейчас не то, что в прошлые годы, когда, по рассказам нашего Старика, море выбрасывало на берег золотые монеты древней чеканки и множество настоящих драгоценных камней, которые лежали до поры до времени глубоко на дне в тяжелых кованых сундуках, упавшие туда с потерпевших крушение кораблей. *(Внезапно оживает.)* О, вы знаете, однажды я даже нашел небольшой перстенок с зеленым сверкающим изумрудом, таким огромным и чистым, что лучи, исходящие от него, пугали кружащих в воздухе чаек. Старик сразу же намекнул, что надо отдать его Анне, да я, по правде, и сам хотел это сделать, но мама, как всегда, поступила по-своему: она стала кричать, что идиотам нельзя дарить девушкам ничего ценного, потому что это дело не идиотов, а нормальных, прочно стоящих на земле, имеющих вес и деньги мужчин; таких, например, как Красавчик; что он все равно возьмет Анну в жены, как бы она ни упрямилась и ни выкаблучивалась, и что не мне, нищему идиоту, дарить ей дорогие вещицы. *(Оглядывается на занавеску.)* Наверное, моя мама права, она всегда права, но только лучше, если она поспит еще хотя бы немного, тогда, возможно, мне удастся незаметно уйти на море вместе со Стариком. *(Смотрит на небо.)* Вот и вечер, Старик всегда проходит здесь в это время.

Явление второе

Появляется С т а р и к; на плече у него полинявшая от времени холщовая сумка, украшенная большой свежей заплатой.

С т а р и к (*приветливо*). Здравствуй, Граф! Все сидишь в своей старой качалке, все охраняешь покой своей грозной матушки? Не надоело тебе торчать тут целыми днями, того и гляди, протрешь себе штаны, сидючи в кресле?!

Г р а ф (*оживляясь*). Сказать по правде, Старик, так надоело до смерти! Так бы и убежал потихоньку вместе с тобой ворошить старые груды водорослей, бродить по берегу моря, дразнить глупых чаек и кричать в шторм страшным волнам, чтобы они еще быстрее били своими гребнями в берег. Знаешь, Старик, это ведь мое самое любимое на свете занятие – бродить по берегу грозного пенного моря, собирая в сумку всякую ненужную всячину: старые рыбацкие поплавки, обрывки сетей, раковины, крабьи клешни, покрытые зеленым налетом старые медные ложки и вилки, невесть откуда упавшие в море, изъеденные солью монеты, не только медные, но даже иногда и серебряные, а если очень-очень улыбнется удача, то даже и настоящие золотые дублоны, которые один раз в год обязательно кто-то находит на берегу; кто-то очень-очень счастливый. Да, Старик, я без ума от всякой ненужной и странной всячины, старого, изъеденного солью и волнами барахла, которым можно набить доверху полную-преполную сумку, и, как это ни странно, продать на рынке любопытным туристам, желающим увезти с собой какой-нибудь необычный морской сувенир. Ну скажи мне, – разве они не странные люди, эти туристы?

С т а р и к (*ласково улыбаясь*). Конечно же, странные: покупают всякую дрянь, которую нормальному человеку даже в руках неловко держать, вроде старой позеленевшей тарелки, годной разве что в качестве подставки для комнатного цветка, или облепленного мидиями черепка, отколовшегося, якобы, от древней греческой амфоры. Вся штука, однако, в том, что платят они за эту дрянь звонкой монетой, – а это человеку в твоём, парень, положении, вовсе не помешает. Что, прав я, или не прав, черт меня побери?!

Г р а ф (*улыбаясь блаженно*). Какое мое положение? никакого такого моего положения нет, и просто не может быть, как говорит моя мама. (*Доверительно.*) Она ведь, Старик, очень добрая, моя бедная мама. Очень добрая и очень больная. (*Оглядывается на окно, прикладывает к губам палец.*) Тс-с-сс! не возражай слишком громко! я знаю, что ты начнешь сейчас возражать. Не возражай, а то мама раньше срока проснется, и вы, как всегда, начнете с ней выяснять отношения; начнете ругаться, как два влюбленных и неразлучных супруга. А мне, Старик, не очень-то, знаешь, приятно, когда ругаются из-за меня и Анны. (*Опять блаженно-мечтательно.*) Она ведь такая славная, моя милая Анна! У нее такие мечтательные глаза, такие тонкие и белые руки, такие нежные пальцы, и голос, и волосы, и все остальное... Я не люблю, Старик, когда ругаются из-за Анны, так что ты будь, пожалуйста, добр, не заводи сегодня ссор с мамой, особенно по поводу этого красивого перстенька, с большим зеленым изумрудом в желтой оправе, который нашли мы с тобой на песке, рядом с кучей гниющих морских водорослей и ракушек, и который так легко, так свободно оделся Анне на указательный палец. (*Тихо, мечтательно.*) Как хорошо сидел он у нее на руке!...

С т а р и к (*гневно*). Вот именно, у Анны он свободно оделся на указательный палец, а у твоей прекрасной, раздавленной в стороны и потерявшей все свои формы и прелести Афродиты не налезает даже на кончик мизинца! Как мог ты, Граф, допустить, чтобы твоя невеста осталась без твоего волшебного изумруда!?

Г р а ф (*покорно*). Она уже не моя невеста, Старик. У идиотов, к сожалению, невест не

бывает. У них бывают одни лишь добрые и справедливые мамы. *(Понизив голос, оглядываясь по сторонам.)* Но, знаешь, ты прав, она действительно была когда-то моей невестой. Понимаешь, Старик, это была такая игра, – тогда, девять лет назад, в детстве, когда я был таким же нормальным, как все, и не совершил этого ужасного преступления.

С т а р и к *(сердито)*. Ты и сейчас нормальный!

Г р а ф *(морщится)*. Не перебивай, Старик, не надо, я знаю все твои уловки и хитрости. Лучше послушай про нашу с Анной игру – странную игру двух глупых детей, одному из которых было четырнадцать, а другой только-только минуло двенадцать. *(Доверительно.)* Ты знаешь, мы с ней играли в жениха и невесту, – там, на зеленых весенних полянах, покрытых первыми весенними первоцветами. Внизу шумело пенное весеннее море, а здесь, среди зеленой травы, все было так тихо и так торжественно, словно венчание в церкви. Анна сплела венок из желтых весенних цветов, а я подарил ей колечко – кусок медной проволоки, наспех согнутой в виде кольца. Ну не наивными ли мы были детьми – играть в обручение и в любовь накануне таких ужасных событий? Клясться друг другу в вечной любви за несколько дней до моего ужасного преступления? Ты знаешь, Старик, мне очень жалко несчастную Анну. Она ведь до сих пор ждет и надеется на какое-то чудо. Но чудеса, как говорит моя мама, бывают только в кино. А идиотам и преступникам вроде меня место или на виселице, или в тюрьме; и это еще хорошо, что мама из милости не отдала меня во власть правосудия, а все эти годы терпеливо кормила и одевала, такого неблагодарного и бессердечного идиота! *(От стыда и раскаяния опускает голову книзу.)*

С т а р и к *(начинает топтать ногами, кричит от возмущения)*. Идиот, сопляк, глупый мальчишка! Чтоб тебе пусто было в твоей старой качалке, чтоб тебя съела моль, чтоб ты провалился под землю вместе со своей прогнившей верандой! чтобы чайки забросали тебя жидким пометом, чтобы море навек поглотило в пучине и тебя, и твои безмозглые речи! Видеть тебя не хочу, пропадай здесь на веранде вместе со своей сонной мамочкой! *(Поворачивается, хочет уйти.)*

Явление третье

Занавеска на окне отодвигается в сторону, и показывается сонная и всклокоченная голова Афродиты. Глаза и щеки ее ото сна сильно припухли.

Афродита (хриплым недовольным голосом). Это кто тут орет не свет не заря благим матом, это кто добрым людям нарушает дневной заслуженный сон? *(Вращает глазами по сторонам, замечает Старика.)* Это ты, старый завравшийся потаскун, это ты, дырявый грязный башмак, худая калоша, пучок мокрых вонючих водорослей? это ты орешь тут у меня под окном, хотя не далее, как вчера вечером тебе было приказано строго-настрого не приближаться к моей веранде ближе, чем на добрый пушечный выстрел?

Старик (снимает с плеча свою холщовую сумку, кидает ее на землю; ожесточенно). Да, это я, черт бы тебя побрал, Афродита! это я, и попробуй-ка утверждать, что это не так; попробуй, может быть, у тебя и выйдет что-нибудь путное!

Афродита (слегка сбавив темп). Но-но, полегче, старый лгунишка, полегче, говорю я тебе, несчастный нищий бродяга! поди прочь от моего глупого и больного ребенка, не смущай вечный покой этого идиота, отягощенного таким страшным злодейством, что никакое общение с миром нормальных и честных людей для него теперь решительно и навсегда невозможно. Радуйся, что ты не преступник, впавший от раскаяния в помешательство, а всего-навсего бездомный бродяга, которому из милости иногда подают корку черствого хлеба. Погоди немного, сейчас я вынесу тебе остатки вчерашнего ужина: немного рыбных костей и две-три хлебные корки, обильно политые растопленным салом.

Исчезает за занавеской, гремит там посудой, потом выходит на веранду с грязной тарелкой в руках, наполненной до краев свинными старыми шкварками.

Старик (ожесточенно кричит). Поди прочь, Афродита, со своими свинными шкварками, которые ты только и умеешь готовить! Старыми вонючими шкварками, которыми провоняла ты от волос и до зада, как будто сама превратилась в большую откормленную свинью! Поди прочь со своими свинными деликатесами, отдай их лучше собакам, бездомным лохматым тварям, которые охотно примут их от тебя, но только не предлагай их Старика!

Афродита (грохнув тарелку о стол, уперев руки в бока). Ах, вот оно что! они, значит, бездомные лохматые твари, готовые принять подачку из моих провонявших свинными шкварками рук; а ты, значит, не бездомная лохматая тварь; ты, значит, не скитаешься со своей торбой по заброшенным подворотням, не ночуешь по старым и сырым чердакам и подвалам, а живешь, как принц, в красивом и роскошном дворце? Чем, черт возьми, не нравится тебе запах свинины; почему не берешь ты то, что предлагается от чистого сердца, чем не угодили тебе эти жирные шкварки *(торжественно указывает на тарелку)*, чем не угодили свиньи вообще?

Старик. Тем, что они похожи на тебя, Афродита!

Афродита (раздуваясь от гнева, еще более свирепо уперев руки в бока, широко расставив слоновьи ноги). Ах, они похожи на меня, на бедную женщину, твердо стоящую ногами на грешной земле и вот уже девять лет несущей на своих хрупких плечах груз страшного и ужасного преступления, совершенного моим свихнувшимся сыном?

Граф во все время разговора Афродиты и Старика безучастно, словно статуя, сидит в своем кресле-качалке и смотрит в сторону моря; лицо, впрочем, у него напряженное и по щекам катятся капли крупного пота.

Старик. Афродита, твой сын вовсе не сумасшедший, с ним можно беседовать на разные,

подчас очень сложные темы. И, кроме того, он не совершал ничего страшного и ужасного. *(Обращаясь к Г р а ф у.)* Слышишь, мальчик, ты неповинен ни в чем, я говорил тебе это уже множество раз; твоя беда в том, что ты не хочешь сделать одно очень большое усилие, – понимаешь, всего лишь одно, но очень и очень большое, – и наконец-то вспомнить все, что было на самом деле; вспомнить все, что случилось тогда, девять лет назад, в точно такой же весенний погожий вечер, омрачившийся, как некоторые полагают, смертью твоего родного отца; смертью, к которой не имеешь ты ровным счетом ни прямого, ни косвенного отношения; вспомни, черт побери, как было все на самом деле тогда, девять лет назад, возможно даже день в день; вспомни, или никогда не быть тебе больше нормальным и взрослым; или навсегда останешься ты тут, в старом, изъеденном древооточцами кресле, на этой сырой трухлявой веранде, как пугало, как вечный стареющий мальчик, застывший, словно букашка в прозрачной смоле, в своих вечных четырнадцати годах; из которых, как ни старайся, ты не выберешься уже никогда. *(Кричит.)* Вспомни, Граф, вспомни, и снова придут к тебе зеленые поляны над морем, заполненные желтыми весенними первоцветами, и Анна, и ее веселый девичий смех, и жизнь, и свобода, и счастье. Вспомни, стань наконец-то мужчиной, или оставайся на веки вечные в своем вечном нескончаемом детстве; оставайся вечным пришибленным идиотом под надзором у строгой, мучающей тебя надзирательницы и ее свиноподобных подруг, превративших тебя в большую бессловесную куклу. Вспомни, наконец, или ноги не будет моей на твоей трухлявой веранде!

Г р а ф сидит неестественно-прямо, судорожно вцепившись руками в перила, смотрит в сторону вечернего моря; по щекам его стекают крупные капли пота; на губах блуждает улыбка блаженного идиотизма.

С т а р и к. Граф, молю тебя, вспомни!

Г р а ф (размеренным механическим голосом). Я плохой, скверный мальчишка, я совершил ужасное преступление, за которое меня мало казнить; я недостоин милости своей милой мамы, и вечно перед ней за это в долгу; я виноват в смерти своего любимого папочки, и за это вечно буду гореть в аду; мне стыдно, мне очень, очень стыдно за свое гадкое и мерзкое поведение; мне лучше всего провалиться под землю, потому что такого гадкого и мерзкого мальчика еще свет белый не видывал!

С т а р и к с осуждением смотрит на Г р а ф а, с досады плюет на мостовую, поднимает свою холщовую сумку, закидывает ее на плечо, и, не оборачиваясь, уходит быстрым шагом за угол дома. А ф р о д и т а торжествующе смотрит ему вслед, величественно проходит мимо Г р а ф а, берет с этажерки гипсовую свинью, прижимает ее к груди, и начинает укачивать, как младенца, что-то про себя напевая. Некоторое время слышатся лишь всхлипывания Г р а ф а и приглушенный бас А ф р о д и т ы.

Явление четвертое

На веранду с улицы заходит К у б ы ш к а.

К у б ы ш к а (*переваливаясь, как утка, из стороны в сторону, развязным тоном*). Здорово, товарка! Чем это ты тут занимаешься, кого качаешь, словно родное дитя, опять свою белую гипсовую свинью, лучшую на свете брюхастую гипсовую свинью, внутри которой, небось, уже давно и приятно звенит целое состояние? свинью, которая дороже тебе, чем родное, в крови и муках рожденное дитячко? чем сыночек, прижитый тобой аккурат двадцать три года тому назад?

А ф р о д и т а (*равнодушно, ласково укачивая копилку-свинью*). А что взять с идиота, к тому же злодея, которого не видывал еще ни наш город, ни весь белый свет? Идиот, он, моя подружка-товарка, и есть идиот, пускай и рожденный в законном браке, в крови и муках ровнехонько двадцать три года назад, как справедливо ты говоришь. От него ведь, моя подружка-товарка, никакой пользы заботливой матери, он ведь ни дров наколоть, ни воды принести в дом не может: как могу я доверить идиоту ведро, как могу я дать злодею топор? того и гляди, кого-нибудь убьет по дороге. Он, моя подружка-Кубышка, только лишь жрет, что твоя рабочая лошадь, да штаны протирает, сидючи весь день на веранде, глаза часами на море, да ведя ученые диспуты со своим дружкой-Стариком.

К у б ы ш к а (*заискивает*). Идиот, а ученые диспуты все же ведет!

А ф р о д и т а (*порывисто возражая*). А что пользы, Кубышка, что, говорю я тебе, пользы в этих ученых диспутах? иногда так, злодеи, разгорячатся, о таких ученых вещах начнут промеж собой говорить, что, не поверишь, сидишь рядом с ними дура-дурой, как будто не он идиот, а я, Афродита, его законная мать! (*Замахивается на Г р а ф а.*) У, идиот, чтоб тебе пусто было со всеми твоими учеными диспутами!

К у б ы ш к а (*так же заискивая*). Небось идиот-идиотом, а как захочет к вечеру жрать, так никто, кроме матери, его ни накормит, никто не обует, не погладит штаны и рубашку, не погорюет над ним, над идиотом, злодеем, каких еще в жизни никто не видывал!

А ф р о д и т а (*продолжает качать копилку-свинью, начинает выть жалобным голосом*). И-эх-хе-ее! и то правда, подруга-Кубышка, несчастная-разнесчастная я мамаша, несчастнее меня никого не същещь в этом проклятом городе! одна отрада, одна подружка, одно белое ненасытное брюшко и осталось теперь у меня, что эта родная белая свинка! эта милая гипсовая копилка, которая милее мужа и сына, которая ни каши не требует, ни молока, которой не нужны ни штаны, ни самые распоследние грубые башмаки; которая сама тебя и кормит, и поит, которая и сама твоя распоследняя надежда и отрада на свете; которая так приятно, так мелодично и музыкально звенит (*подносит копилку к уху и встряхивает ее*), что нет в мире музыки чище и приятней, чем эта.

Г р а ф во все время беседы А ф р о д и т ы с К у б ы ш к о й неподвижно и прямо сидит в кресле-качалке.

К у б ы ш к а (*благожелательно смотрит на А ф р о д и т у и опускается на стул возле стола*).

К у б ы ш к а (*благожелательно, ласково*). А признайся-ка мне, любезная Афродита, ведь свиньи, будь они настоящие, или слепленные из гипса, гораздо дороже тебе, чем настоящие люди?

А ф р о д и т а (*улыбаясь, отнимая ухо от гипсовой копилки-свиньи*). Твоя правда, любезная подруга-Кубышка, дороже, еще как дороже!

К у б ы ш к а. А признайся-ка мне еще, любезная Афродита, что иная свиная протухшая

шкварка, забытая на соседней помойке, дороже тебе, чем вся человечья ученость на свете, чем все на свете умные головы, вместе взятые, чем все их проклятые музеи и школы, все эти модные высшие учебные заведения, расположенные в столице, куда улетают время от времени некоторые юные выскочки из нашего города? что свинья для тебя и отец, и мать, и Господь Бог, который, как известно, сотворил все в мире живое, в том числе и саму эту свинью? что сама ты, Афродита, будь твоя воля, родилась бы большой откормленной свиноматкой, или надутой от счастья, затейливо размалеванной копилкой из гипса, внутри которой тесно от золотых округлых монеток? которая так и лоснится от своего золотого сытого счастья?

А ф р о д и т а (*мечтательно поглаживая копилку-свинью*). Так, дорогая моя Кубышка, так, милая моя подруга-товарка, все так, как ты говоришь, и даже еще больше, намного больше. Не нужны мне, Кубышка, ни мать, ни отец, ни муж, которого вечно приходится гнать на работу, и который еще, чего доброго, будет в конце-концов воротить нос от моих любимых розовых шкварок; да еще, чего доброго, будет учить тому же своего несчастного сына; ты ведь помнишь, Кубышка, что именно так все здесь и случилось, что законный мой муженек, брак с которым, как известно, заключился на небесах, не вынес моих ежедневных, свинных и розовых шкварок, собрал свой морской старенький сундучок, который, впрочем, я ему забрать не дала, простился со своим любимым сыном (*осуждающе смотрит на Г р а ф а*), сел на первый приплывший в город корабль, да и... (*спохватывается, прижимает палец к губам*). Тс-с-сс! молчок! молчок, и больше ни единого слова, разлюбезная моя товарка-Кубышка; иначе, чего доброго, кое-кто еще тоже объявит, что его просто воротит от моих розовых шкварок; что он готов встать со своего старого трухлявого кресла, собрать все тот же старый отцовский, наполненный книжной рухлядью сундучок, да и укатить отсюда подальше; лишь бы не видеть этих прогорклых розовых шкварок, да заодно уж и твою, милая подруга, мерзкую морду, которая так напоминает морду дородной свиньи, что, встретить тебя в кривом переулке позднехонько вечером, так, пожалуй, и не отличишь от раскормленного кабана.

К у б ы ш к а (*мигом переходя к обороне*). Да ты на себя-то в зеркало посмотри, любезная кумушка! ведь это ты ничем не отличаешься от раскормленного кабана! ведь это от тебя воняет, как от дородной раскормленной свиноматки! ведь это твои свинные ручища похожи на раздвоенные свинные копытца; ведь это твои маленькие заплывшие глазки зыркают вокруг, как гляделки большой щетинистой туши; ведь это у тебя в доме, как к тебе ни приди, подают на блюде одни лишь вчерашние свинные остатки! косточки, шкварки, да еще, бывает, большие и желтые несъедобные уши, которых, хвала Создателю, я у тебя сегодня на столе не увидела! (*Тычет пальцем в тарелку, стоящую на столе.*) Ведь это ты, ты... (*Умолкает, не зная, что еще ей сказать.*)

А ф р о д и т а (*добродушно смеется*). Ха-ха-ха! полно, милая подруга-Кубышка, полно, не весели меня понапрасну, мне вредно так много смеяться; мы обе стоим того, о чем ты только что рассказала. Полно, милая подружка моя, охлади свой рассерженный воинственный пыл, протяни свою полную ручку, возьми себе аппетитную шкварочку из свинины, поддержи ее побольше во рту, посмакуй, да и забудь обо всем только что сказанном. Нам ли с тобой воевать? нам ли с тобой делить что-то под солнцем? (*Ставит копилку на этажерку, идет, переваливаясь, к столу, и садится на стул рядом с К у б ы ш к о й; потом протягивает руку, и берет с тарелки свиную шкварку.*)

Некоторое время А ф р о д и т а и К у б ы ш к а молча едят.

Г р а ф неподвижен, смотрит в сторону моря.

Явление пятое

На веранде появляется Ч е с н о ч о к. Она крайне возбуждена и от нетерпения размахивает руками.

Ч е с н о ч о к. Что делается, дорогие подружки, что, спрашиваю я вас, делается в этом проклятом городе? В этом городе, населенном старухами, сводниками и идиотами, из которого нормальные мужчины бегут при первом удобном случае, как от чумы?

А ф р о д и т а (*угрожающе*). Но-но, полегче насчет нормальных мужчин, бегущих из нашего города, как от чумы! Полегче, говорю я тебе, Чесночок, полегче, хоть и носишь ты это едкое и для многих опасное имя. Полегче, хоть и знаем мы все, что нельзя тебе класть палец в рот и при случае ты такое можешь загнать, что у иного, несведущего и незнакомого со здешними обычаями человека просто-напросто могут завянуть уши.

Ч е с н о ч о к (*простодушно*). А что такого, любезная Афродита, я сейчас сказала запретного? такого, что не известно давно и прочно всему белому свету? да разве же это неправда, что в нашем городе не осталось уже нормальных и порядочных граждан, что живут здесь одни старые ведьмы, вроде тебя и меня, да нашей достойной подруги Кубышки (*кивает К у б ы ш к е*), да еще, пожалуй, такие сводники, как всеми уважаемый и любимый Красавчик; который, безусловно, скоро пожалует сюда как миленький, ибо к кому же ему идти, как не к нам? ибо разве не должны идти мерзавцы к мерзавцам, а подлецы к подлецам? (*Спыхватывается.*) То есть, прошу прощения, нормальные и уважаемые люди к нормальным, к таким, с которыми не грех опрокинуть один или другой стаканчик винца, съесть одну или другую тарелку розовых, лоснящихся от чистого жира шкварочек и поговорить о нашем горьком житье-бытье, из которого не видно никакого просвета; все подобное, как говорит этот нищий философ Старик, должно идти к подобным себе: идиоты должны идти к идиотам, и сидеть, как и положено им, молчком, на верандах, в своих прогнивших креслах-качалках, занимаясь не то философией, не то пусканием тягучих слюней; мужчины должны убегать в дальние странствия, ибо в противном случае сами станут в нашем городе идиотами; ну а мы, достойные подругитоварки, должны сидеть в тесном кружке и обсуждать цены на тухлую камбалу, которые с каждым днем становятся все более и более скверными.

К у б ы ш к а (*подобострастно*). Ты, Чесночок, говоришь не хуже любого философа. Не хуже этого нищего Старика, который, по слухам, безмерно богат, ибо каждый день находит на берегу то золотую монету, а то и колечко с бриллиантом, или, на худой конец, с изумрудом.

Ч е с н о ч о к. Не знаю, как насчет монеты из золота, а вот этот старый, позеленелый медный пятак (*показывает пятак, зажатый в ладони*) выпал у него из кармана в то самое время, как пробежал он по улице мимо меня, спасаясь не то от чумы, не то от твоих, Афродита, ласковых разговоров.

А ф р о д и т а. Может быть и от моих, а может быть, и не от моих, кто его разберет, этого старого нищего оборванца? ночующего вместе с чайками в углублениях мокрых утесов, и имеющего, думаю, такое большое богатство, что на него можно купить целый дворец. (*Доверительно, К у б ы ш к е и Ч е с н о ч к у.*) Говорят, что море, аккурат напротив нашего города, хранит на дне целые сундуки, наполненные бесчисленными золотыми монетами. Только достаются они не кому-нибудь, а отпетым и неизлечимым придуркам, вроде этого самого Старика, или злодеям, вроде моего полоумного сына. Которые только на то и годны, чтобы вызвать жалость у безжалостного и холодного моря; моря, которое всех остальных, нормальных и сильных, отправляет на дно целыми кораблями; так и лежат они там, на дне, обняв своими белыми косточками окованные тяжелые сундуки, наполненные всякой бесценной всячиной,

вроде золота, ожерелий из бисера, ладненьких перстеньков или тонких блестящих цепочек, сверкающих так, что даже во тьме, на самом морском взбаламученном дне, от них становится светло, будто на солнце.

К у б ы ш к а (*хихикает*). То-то мертвецы веселятся, глядя на эти сокровища!

Ч е с н о ч о к. Потому ты, Афродита, и отпускаешь своего идиота вместе с этим придурочным Стариком, что надеешься на милость холодного, но такого глупого моря? небось в кубышке у тебя не одна монетка звенит, подаренная морем твоему сыночку-злодею? (*Кивает головой в сторону копилки-свиньи.*)

А ф р о д и т а (*самодовольно*). Бери выше – не один десяток монеток!

К у б ы ш к а. И что за имя такое – Старик, – что за кличка у этого бездомного оборванца? нет у него, что ли, настоящего имени?

Ч е с н о ч о к. А у тебя, Кубышка, разве есть настоящее имя? разве есть настоящие имена у кого-нибудь в этом проклятом городе? из которого здоровые и сильные мужчины бегут, как от чумы, а остаются одни лишь старые ведьмы, вроде тебя, да идиоты, вроде этого придурка-сыночка нашей доброй и хлебосольной хозяйки.

К у б ы ш к а (*подскакивая на стуле*). Это я старая ведьма? а ты, Чесночок, выходит, не старая, насквозь провонявшая чесночной подливкой карга, от которой не то, что муж, а и дети давным-давно убежали, как от холеры?! самая настоящая ведьма ты и есть, Чесночок, и даже еще хуже, чем ведьма!

Ч е с н о ч о к (*пронзительно*). Ах ты, раздутая от водянки кастрюля для холодца! старая дохлая кошка, распухшая на солнце до размеров коровы! это я-то настоящая ведьма, это от меня-то убежали дети и муж? ну погоди, сейчас я тебе покажу подливку из чеснока! (*Хватает ее за волосы и начинает таскать из стороны в сторону.*)

Некоторое время возятся друг с другом, выкрикивая попеременно: “Это я-то старая ведьма? это я-то подливка из чеснока?” – “А вот я сейчас покажу тебе, подлая перечница! а вот сейчас я поборву твои седые жидкие космы!”

А ф р о д и т а с удовольствием некоторое время наблюдает за потасовкой, неторопливо отправляя в рот очередную свиную шкварку.

Г р а ф безучастно смотрит в сторону моря; он давно привык к таким потасовкам и знает назубок весь их нехитрый сценарий.

А ф р о д и т а (*которой надоел лишний шум*). Ну все, хватит, хватит, повеселились, и баста! (*Ч е с н о ч к у.*) Давай сюда этот медный пятак, все равно при нынешней дороговизне на него ничего невозможно купить. (*Ловко выхватывает монету у Ч е с н о ч к а.*) Разве что пучок старых засушенных водорослей, годных разве что на растопку, или на подстилку для дворовой собаки. (*Грузно встает и идет к этажерке; опускает монету в прорезь копилки.*)

Ч е с н о ч о к (*разочарованная тем, что у нее забрали пятак*). Сдается мне, Афродита, что даже для дворовой собаки не нужен тебе пучок старых засушенных водорослей, потому что при твоём вздорном, – прошу прощения, золотом и мягком! – характере у тебя не может прижиться даже собака. Разве что этот молчаливый сын-идиот, в которого ты, наверное, воткнула уже все свои старые иголки и шпильки, так что в нем, очевидно, не осталось уже живого, неповрежденного мяса! Да, подружка, такой покорный дурак просто находка для любой матроны вроде тебя – на все согласен, да еще и прощения просит, стоит лишь его немного задеть за живое. И чем ты его так проняла, Афродита, чем пригвоздила к этому старому креслу?

А ф р о д и т а (*вальжжно усаживаясь на стул, поучительно*). Чем-чем? – чувством вины и глубоким раскаиванием, которое он, подлец, несмотря ни на что, все же испытывает время от времени. (*Г р а ф у.*) А ну-ка, сыночек, ответь своей нежной матушке, раскаиваешься ли ты в своём злодейском поступке?

Г р а ф (*дрогнувшим, тихим голосом*). Да, мама, очень раскаиваюсь.

А ф р о д и т а (*торжествующе*). А в чем ты раскаиваешься, сыночек, ответь этим двум честным женщинам.

Г р а ф (*так же тихо, механическим голосом*). Я плохой, скверный, негодный мальчишка, я совершил ужасный поступок; я виновен в смерти отца, мне нет прощения ни на земле, ни на небе. (*Мелко дрожит, сцепившись руками в перила; сидит неподвижно, опустив низко голову.*)

А ф р о д и т а торжествующе *глядит на т о в а р о к*. *Т о в а р к и разводят в стороны руки, показывая, что искусство А ф р о д и т ы вне всяких похвал.*

Явление шестое

Раздаются шаги, и на веранду с улицы вбегает К р а с а в ч и к. Он крайне возбужден, воровато оглядывается, и нервно поправляет рукою усики, похожие на небольшие кошачьи усы.

К р а с а в ч и к (нервно оглядывая веранду). Все общество в сборе, и, как обычно, ты, Афродита, вне всяческой конкуренции. Не поклянись я однажды своей бессмертной душой, что непременно, чего бы это ни стоило, женюсь на Анне, то давно бы женился на тебе, Афродита! (Подходит к хозяйке и галантно целует у нее руку, после чего опускается на незанятый стул.) Такие роскошные женщины, как ты, попадаются один раз на тысячу, а может быть, даже на миллион. Самое главное для женщины – быть покладистой и не очень-то задира́ть нос по поводу всяческих там совершенств, вроде смазливого личика, рыжих кудрей и легкой походки, похожей на походку барышень из столицы. Здесь у нас не столица, черт побери, и хорошо бы некоторым об этом не забывать!

А ф р о д и т а (поддакивая с удовольствием). Да уж точно – у нас здесь не столица! тут нужны не модные выкрутасы, а умение твердо стоять на ногах? у нас, ежели ты не твердо стоишь на ногах, вмиг упадешь на землю, да так при этом лоб себе расшибешь, что может быть уже и не встанешь совсем!

К у б ы ш к а (льстиво поддакивая). У нас нравы известно какие! нам палец в рот, пожалуйста, не клади!

А ф р о д и т а (радостно продолжая, с удовольствием поглядывая на К р а с а в ч и к а). У нас от женщины требуется немного. Чтобы, во-первых, не драла нос, как модные барышни из столицы; чтобы была солидной и в теле, за которое тебе не стыдно перед товарками, и которое нравится нашим мужчинам; потому что оно не растает на солнце и не исчезнет под первым же дождичком; потому что если уж взялся за такое солидное тело, то взялся наверняка и надежно, как за крепкий корабельный канат, или за бочку с засоленной сельдью. (Благожелательно улыбается г о с т ю.)

Ч е с н о ч о к (возражая). Уж не скажи, Афродита, не обязательно иметь полное тело для того, чтобы ужиться в этих местах; у меня, например, не такое уж и крупное тело, а между тем многие, – и это тебе, Афродита, прекрасно известно, – предпочитают обходить меня стороной.

К у б ы ш к а (хихикая). Еще как предпочитают, Чесночок, еще как предпочитают! некоторые из наших женщин так бы и бросились на тебя из-за угла, так бы и вцепились в твои редкие сивые паглы, так бы и повыцарапали ногтями твои наглые и лживые глазки, так бы и поддали тебе ногой по одному тощему и костлявому месту! (Подпрыгивает от возбуждения на стуле, демонстрирует жестами только что сказанное.)

Ч е с н о ч о к (не обращая на К у б ы ш к у ни малейшего внимания). И потом, твоя прекрасная Анна совсем не полная, скорее наоборот.

К р а с а в ч и к (досадливо морщится). Прошу вас, не говорите мне сегодня про Анну! Анна живет в мире иллюзий; она не понимает реальностей жизни в этом Богом заброшенном городе, в котором не место вредным мечтам; в котором женщины должны лишь рожать и выполнять работу по дому, быстро стареть и вечерами сидеть на веранде, развлекаясь местными сплетнями, и, если есть такая возможность, обществом молодого мужчины, вроде меня. Анна никак не расстанется с детскими воспоминаниями, с этими проклятыми полянами, покрытыми весенними первоцветами, среди которых дала она обещание одному идиоту (кивок в сторону Г р а ф а) стать в будущем его законной женой. (Кричит, грозит пальцем в сторону улицы.) Но идиоты, моя любезная и смешная мечтательница, никогда не становятся взрослыми большими людьми, они вечно пребывают в мире детских снов и мечтаний; их удел – старая, изъеденная

древоточцем веранда, на которой стоит такое же старое кресло; да грубые насмешки окружающих их взрослых и солидных людей; да шпильки, да булавки, да острые отравленные коготки, которые запускают в них местные кумушки; потому что кому же и запускать шпильки под кожу, как не бессловесным мечтателям-идиотам, всегда покорным и готовым стерпеть любую обиду; ставшими вечной отдушиной для местных злых и несдержанных нравов. *(Вскакивает на ноги, кричит в сторону улицы.)* Нет, клянусь адом и своей погибшей душой, а также погибшими душами живущих в этом городе ведьм *(насмешливый реверанс в сторону кумушек)*, что, не будь я Красавчиком и без пяти минут владельцем местной пивной, в которой Анна вот уже несколько лет протирает столы и подносит залетным матросам пенное дешевое пиво, если я в конце-концов на ней не женюсь! Да, не женюсь, причем очень скоро, ибо идиоты никогда не станут нормальными, а время в конце-концов сделает свое нужное дело! *(Отдувается, садится на стул, оттирает ладонью лоб.)*

К у б ы ш к а *(льстиво)*. Умаялся, бедненький! Весь день работал в пивной, стаптывал подметки на каблуках, протирал локти за стойкой, драл горло на разную заезжую шваль, пропившую уже все, что можно было пропить и пропивающую уже такие обноски, которые никому и даром не надо. Скажи, Красавчик, как терпишь ты всю эту непотребную публику?

К р а с а в ч и к *(криво усмехаясь)*. Как терплю я всю эту публику? как отпускаю им дешевое пенное пиво, в которое давно уже мог бы подсыпать сладкой крысиной отравы? как не перегрызаю им горло, стоя по двенадцать часов у стойки за краном, который временами напоминает мне крупнокалиберный пулемет, заряженный бесконечно стреляющей лентой? как я вообще не сошел с ума при виде всей этой публики, застрявшей в нашем порту, как в грязном всемирном отстойнике? а так и терплю, подруга-Кубышка, так и держусь до последнего часа, до момента, когда останешься один на один с грудой грязных монет и бумажек, собранных за день непосильных трудов; до момента, когда можно, не торопясь, их пересчитывать, перекладывать из ладони в ладонь, предаваясь тихим и приятным мечтам. Мечтам о таком же вот тихом вечере, на веранде, в кругу, черт возьми, законных жены и детей, а не этих ваших свирепых рож, от которых становится еще более тошно, чем от целого дня работы за стойкой! Провалиться бы вам с вашими рожами в тартарары! что за город, – ни одного человека нормального не найдешь, того и гляди, воткнут тебе нож в брюхо по рукоятку!

Ч е с н о ч о к *(ехидно)*. Но два-то человека в городе тебе точно нож не воткнут. Анна не воткнет, и Граф не воткнет. Выходит, что они и есть самые лучшие люди в нашем чудесном городе!

К р а с а в ч и к *(зло)*. Провалиться бы им на месте, этим двум лучшим людям! как они у меня в горле засели! *(А ф р о д и т е.)* Неси-ка лучше портвейн и карты, самое время сейчас выпить и сыграть в дурачка.

А ф р о д и т а молча встает, уходит в комнату, и возвращается оттуда с подносом, на котором стоит бутылка в окружении граненых стаканов. Ставит поднос на стол, берет в руки колоду. К р а с а в ч и к разливает вино.

К о м п а н и я пьет, затем начинает играть. Слышатся восклицания: “Семеркой, семеркой ходи!”, “Подкинь ему козырного!”, “Режь черву, бей пикой!”, “Эх, шляпа, а еще в карты садисься играть!”, и пр.

Г р а ф, как обычно, молча смотрит в сторону моря.

Явление седьмое

Из– за попорота выходят С т а р и к и А н н а.

С т а р и к (*подталкивая А н н у вперед*). Нет, ты скажи, ты скажи наконец ей все, что ты хочешь. Скажи наконец этой старой жирной свинье по прозвищу Афродита, кому же на самом деле принадлежит тот изумрудный перстень, который Граф нашел в куче разного старого хлама, выброшенного морем на мокрый песок. Скажи, найди наконец в себе смелость, иначе не видать тебе твоего перстенька, как Графу нормального человеческого обхождения. Ну же, смелей, пока эта жирная туша первой не бросила в тебя чем-то тяжелым! (*Выталкивает А н н у вперед*.)

А н н а (*отчаянно-безнадежно*). Афродита, отдай мне мой перстенок! Отдай, у тебя он даже на мизинец не налезает.

А ф р о д и т а (*не поворачивая головы, продолжая играть в карты*). А вот мы сейчас валет дамой покроем! (*Кроет дамой вальта*.) А вот мы сейчас козырной сверху ударим! (*Ударяет сверху козырной; обращаясь к К у б ы ш к е*.) А скажи-ка мне, подруга Кубышка, что это за муха так нудно жужжит как раз напротив моей веранды? не та ли это девка из приморской таверны, что протирает целыми днями грязные, облитые пивом столы, да подносит впопыхах посетителям свежие кружки, надеясь заработать монетку-другую на свой скромный и постный ужин?

К у б ы ш к а (*оглядываясь на улицу*). Она, она, Афродита!

А ф р о д и т а (*продолжая смотреть в карты*). Которая рада каждой лишней монетке, отложенной про запас на новое скромное платье?

К у б ы ш к а (*так же радостно*). Да, да, это она, Афродита!

А ф р о д и т а (*собирая со стола карты в колоду*). Которая вбила себе в голову, что этот вот несчастный и полоумный преступник, виновный в смерти своего родного отца, а также во всех без исключения преступлениях, происходящих в нашем несчастном городе, и наказанный за это Всевышним пусканием слюней у меня на веранде, что этот вот мой несчастный и полоумный сынок в конце-концов каким-то чудом очнется от сна, и предложит ей свои руку и сердце?

К у б ы ш к а. Да, да, это она!

А ф р о д и т а. И они вместе, бок о бок, как два голубка, улетят отсюда на поиски счастья?

К у б ы ш к а. Да, да!

А ф р о д и т а. Что они уже давным-давно обручились, и ждут – не дождутся только подходящего часа, чтобы оформить законный и одобренный обществом брак?

К у б ы ш к а. Да!

А ф р о д и т а (*вскакивая, бросая карты на стол, гневно поворачиваясь в сторону А н н ы*). Ну так знай же, несчастная нищая подавальщица пива, протиральщица грязных столов, разносчица дешевой жареной рыбы! знай же, что этого никогда не случится; что пока жива я, Афродита, женщина, давно позабывшая свое настоящее имя, похоронившая любимого мужа и содержащая из жалости этого несчастного идиота (*небрежный кивок в сторону Г р а ф а*)...

С т а р и к (*перебивая*). Не надо лгать, Афродита! Твой муж просто сбежал; он не выдержал тяжести твоей, Афродита, любви, замешенной на твоих гипсовых свиньях, свиных шкварках, корытах жирного холодца, которые подавала ты ему на первое, второе и третье; он не мог выносить общество твоих вечных подруг, всех этих склочных и грязных старух, от которых давным-давно убежали не только мужья, но также дети, кошки, собаки и местные рыжие тараканы, которые, говорят, еще более злые, чем знаменитые немецкие пруссаки; твой муж, Афродита, просто бросил тебя, он уплыл с первым попавшимся ему на глаза пароходом, – туда, в большой сверкающий мир, подальше от твоих грязных халатов, твоих похожих на альфонсов

дружков (*кивок в сторону К р а с а в ч и к а*) и твоих вечных и нудных нравоучений, от которых киснет свежее молоко и сходят с ума такие чистые и ранимые дети, как Граф. Да, Афродита, ты просто села ему на шею, ты превратила его в подушку для своих собственных булавок и шпилек; в вечного козла отпущения для целого города, на которого так легко спихивать ваши общие грехи и делишки; ты не даешь ему проснуться, очнуться от бесконечной и постыдной дремоты, стать наконец-то взрослым и нормальным мужчиной; не даешь потому, что заранее знаешь – он бросит тебя точно так же, как бросил тебя когда-то твой муж, убежав от твоего дешевого и жирного счастья. Не знаю, как долго еще будет этот несчастный мальчик сидеть в своем игрушечном кресле; быть может, ему поможет она (*подталкивает А н н у вперед*), потому что только любовь может помочь вечному мальчику повзрослеть и стать наконец-то мужчиной. Не мешай этой любви, Афродита, не топчи ее, не пачкай своими липкими и жирными пальцами; отдай Анне перстень, ты не имела никакого права забирать у нее эту вещицу!

А н н а. Да, Афродита, отдай мне мой перстень; ты не имела никакого права отбирать его у меня!

А ф р о д и т а (*пренебрежительно, Ч е с н о ч к у*). А скажи-ка, любезная и верная подружка моя Чесночок, не спуститься ли нам всем вместе на улицу, на мощеную бульжником старую и древнюю мостовую, на которую выливали помои не только я, но и моя мать, и моя бабка, и все женщины нашей семьи, коротавшие вечера на этой веранде, кажется, еще с Сотворения Мира, – не спуститься ли нам всем вместе на мостовую, да не выцарапать ли глаза этой бесстыжей дряни, которая почему-то носит не прозвище и не кличку, как все в этом убогом городе, а настоящее женское имя? не проучить ли нам эту гордячку, не вылить ли на нее ушат грязных помоев?

Ч е с н о ч о к (*весело*). Спуститься, Афродита, еще как спуститься! проучить, и вылить на эту гордячку ушат свежих и грязных помоев!

К р а с а в ч и к (*вскакивая на ноги, со стаканом в руке*). Стойте, стойте, почтенные женщины! не надо кипятиться, не надо никого пачкать помоями; все поправимо, достойная Афродита, и вовсе не так трагично, как кажется тебе и этим достойным особам (*кивок в сторону оживленных т о в а р о к*). Бог с ним пока, с этим перстнем, хоть и сияет в его оправе изумруд чистой воды, какие не каждый день увидишь в здешних заброшенных Палестинах; разве что на руке какого-нибудь заезжего негоцианта, приставшего на минуточку к нашим берегам пополнить запасы воды и провизии; вот уж верно говорит народная мудрость, что счастье липнет к рукам детей и последних придурков. (А н н е.) Понимаешь ли ты, сумасбродная фантазерка: детей и последних придурков! Выйди же наконец из мира блаженного детства, из мира золотых снов и фантазий; покинь наконец свои зеленые, поросшие весенними цветами поляны; взгляни в глаза суровой реальности, которая для девушки незамужней в этом мрачном портовом городе наполнена всевозможными опасностями и потерями. (*Кричит, простирая руки, в одной из которых стакан с недопитым вином.*) Тебе необходим надежный защитник, преданный покровитель, способный вытащить тебя из любой переделки; в этом городе женщина не может долго находиться одна; она должна или стать чьей-то законной женой, или погибнуть, став жертвой чьей-то изощренной и злобной фантазии; иного быть просто не может. Пойми же, дурочка, – ты не мужчина, способный бросить все, сесть на корабль, и навсегда покинуть здешние беспокойные воды; для тебя такой вариант, к сожалению, невозможен; ты должна или пасть, или составить счастье достойному и уважаемому человеку (*торжественно кланяется*). Человеку, давно и прочно стоящему на ногах, без пяти минут хозяину и владельцу большого и доходного дела, которое ты, надеюсь, за несколько лет успела изучить досконально. Оставь пустые мечты и грезы; оставь мечты детям и идиотам; взгляни на мир реально и

беспристрастно; согласишься, черт возьми, стать моей законной супругой; ибо другого выхода у тебя, милая Анна, просто-напросто нет и не будет! *(В волнении ставит стакан на стол, вынимает из кармана платок и вытирает им потный лоб.)*

А ф р о д и т а (насмешливо). Что же ты ждешь, милая Анна? Ответь Красавчику, ведь он только что сделал тебе настоящее предложение; объяснился в любви, как самой настоящей барышне из столицы; клянусь своей белой свинкой *(ласково смотрит на копилку из гипса)*, никому из присутствующих здесь почтенных особ никогда не делали таких предложений!

К у б ы ш к а. Это уж точно, нам таких предложений не делали никогда!

Ч е с н о ч о к. Нас просто брали за руку и тащили в первый попавшийся угол; соглашайся, Анна, не будь такой несговорчивой душой; оставь своего непробиваемого идиота, прими наконец предложение Красавчика, ведь он, ей-ей, сделал его от чистого сердца.

К р а с а в ч и к пытается что-то сказать, но от избытка чувств ничего не говорит, прижимает правую руку к сердцу и вопросительно глядит в сторону *А н н ы*.

С т а р и к и А н н а в растерянности.

Г р а ф неожиданно поднимается со своего кресла, делает шаг к перилам и порывается что-то сказать, но некоторое время не говорит ничего; лицо его искажено судорогой страдания; по щекам и лбу катятся крупные капли пота; он борется сам с собой и не решается перейти через невидимый для всех рубеж.

Г р а ф (после паузы). Анна... я... мы были обручены... поляны с цветущими весенними первоцветами... венки из желтых, горящих на солнце цветов... *(Неожиданно справляется с собой, спокойным голосом.)* Анна, любимая моя, забытая в детстве девочка по имени Анна, я все хорошо помню и ничего не забыл. Я помню наши прогулки вдоль берегов весеннего пенного моря, наши первые невинные поцелуи и клятвы соединить в будущем наши судьбы. Я все это помню и никогда ни от чего не откажусь; не откажусь ни за что; но, понимаешь, сделать последний шаг, выйти из мира детских мечтаний мне не дает одно очень большое, очень значительное обстоятельство; оно так важно и так болезненно для меня, что я не могу переступить через него из страха немедленной и неминуемой гибели. Тогда, в детстве, девять лет назад, возможно даже день в день, я совершил нечто страшное и ужасное, нечто такое, за что человека невозможно простить. *(С улыбкой, С т а р и к у.)* Милый Старик, прости моей маме эту ее невинную выдумку относительно якобы погибшего мужа. Относительно мужа, убитого собственным сыном. Разумеется, это не так, и не в этом состоит тот ужасный проступок, который я силюсь вспомнить вот уже девять лет. Прости маме эту невинную выдумку, она, очевидно, помогает ей переносить тяготы вынужденного одиночества; пускай себе бранит и пилит меня, если это доставляет ей удовольствие; но, знаешь, Старик, там, в детстве, лежит нечто гораздо более страшное; нечто такое, от попыток вспомнить которое внезапный пот покрывает все мое тело, а сквозь сердце и грудь проскакивает заряд бешеного электричества; я пытаюсь вспомнить этот страшный и ужасный миг моего детства, но, лишь только память моя подходит к нему, к страшной двери запретных воспоминаний, ужас охватывает меня, – ужас настолько непреодолимый и тяжкий, что перенести его я не могу; очень часто при одном желании вспомнить я теряю сознание и часами, поникнув, лежу в своем кресле, не в силах прийти в себя; нет, лучше быть вечным и окончательным идиотом, злодеем, виновным в грехах целого города, чем пытаться вспомнить то, чего вспомнить мне не дано. Оставь меня, добрый Старик, оставь, и уезжай отсюда подальше. Оставь меня, любимая Анна, оставь, и становись скорее женою Красавчика. Не связывайтесь с пропавшим и законченным дураком, одно лишь знакомство с которым приносит вам такие несчастья. *(С улыбкой, А н н е.)* Прощай, любимая, прощай навсегда, ибо вот здесь *(показывает себе на лоб)* лежит причина, положившая между нами вечную пропасть. *(Поворачивает голову, с мечтательной улыбкой полного идиота*

смотрит на море.)

А н н а (кричит). Нет, Граф, нет, ты должен вспомнить, ты обязательно вспомнишь все, что было на самом деле. Раз ты не убивал своего родного отца, раз ты твердо знаешь об этом, то ты обязательно вспомнишь и все остальное. Любимый, сделай еще одно, очень непростое, но такое нужное нам усилие; вспомни то, чего никогда не существовало в действительности; освободись от кошмара вечной вины, ибо ты решительно ни в чем не виновен; ибо твоя вина выгодна только ей, этой неряшливой, обожравшейся свинными шкварками женщине; ей, и ее достойным подругам; уйди от этой постыдной зависимости, вернись ко мне, или ты потеряешь и меня, и себя самого; вспомни, любимый, вспомни, ибо другого такого шанса, похоже, у тебя не будет уже никогда.

Г р а ф продолжает с блаженной улыбкой смотреть в сторону моря, потом лицо его искажает судорога, он охватывает голову руками, покачивается из стороны в сторону, и умоляюще смотрит на мать и на А н н у.

А н н а (в отчаянии). Все кончено, он не сможет вспомнить уже ничего!

А ф р о д и т а (кричит). Да, он не сможет вспомнить уже ничего! ибо он маленький и злобный убийца; несчастный злодей, изверг, которого не могут терпеть ни суша, ни небеса; которого из милости содержит его любящая мать, мать, которая немедленно погонит прочь всякого, кто придет к нему с нелепыми и преступными просьбами; прочь отсюда, нелепая и наглая интриганка, подавальщица дешевого пива, грязная потаскушка, которая зарится на кусок соседского пирога; прочь с дороги, или я спущу на тебя своих лучших друзей; оболью помоями, ослаблю навек в этом старом и страшном городе без надежды; прочь, и да будь ты проклята с твоими попытками освободить его от чувства вины! Прочь, прочь, прочь! *(Кричит, вытянув вперед скрюченный указательный палец.)*

П р и с у т с т в у ю щ и е застыли в напряженных и порывистых позах.

З а н а в е с.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина та же: старый портовый город у моря, бесконечная панорама крыш, кривые улицы, крест-накрест заколоченные двери домов; мощный булыжником переулок, деревянная веранда старого дома; на веранде все та же нехитрая обстановка; стол со стаканом, подстаканником и старой оббитой сахарницей, стулья, кресло-качалка, этажерка с гипсовой копилкой-свиньей.

Явление первое

Г р а ф, неподвижно застывший в кресле-качалке.

Г р а ф (смотрит в сторону моря, говорит сам с собой). Вот и опять, в который по счету раз, сижу я здесь, на этой веранде; веранде, с которой, кажется, свыкся настолько, что стал продолжением ее потрескавшихся, просевших от времени половиц, ее потерявших былую краску резных коньков и наличников, ее до боли знакомых, изученных за эти годы перил. (*С улыбкой оглядывает веранду.*) Да, безусловно, я стал продолжением этой убогой и старой мебели” стульев, стола, этажерки, выдавшей лучшие виды старой оббитой сахарницы, старого подстаканника, и, конечно, этой пузатой, слепленной из гипса свиньи; надменной белой свиньи, обожравшейся самых разных монет, наполненной ими по самое горло, – страшной и надменной свиньи, вечным моим гипсовым стражем, от которого, кажется, я не избавлюсь уже никогда. О это постыдное, бесконечное состояние несвободы! О эти надменные, сытые, вылепленные из гипса глаза, вззирающие на меня целыми днями!

Пауза.

Нет, лучше говорить и думать о чем-то другом; о чем-то бесконечном, свободном, и неподвластном насилию; например: о бесконечной природе, море, небе и красках теплого весеннего вечера; вы не поверите, но какие глубокие, странные, необычайные краски возникают в природе под вечер! нет, не утром, когда день только-только еще рождается, и все вокруг спешит жить и насладиться теплом, и не днем, когда полдневное солнце слепит людям глаза, а именно вечером, в пору тихого и незаметного угасания красок; именно в это время они кажутся наиболее яркими, пронзительными и живыми; море светлеет, становится лазурным и прозрачным настолько, что даже на большой глубине с берега видны мельчайшие камушки и ракушки; небо наливается голубизной и покоем, далекие горы, которых обычно не видно, выходят из-за горизонта и кажутся островами, нежданно поднявшимися из спокойной воды; там, на горизонте, где море и небо сливаются воедино, ничего нельзя различить, кроме едва заметной, еле видимой дымки; постепенно, вместе с угасанием дня, эта дымка начинает густеть, и вот уже легкое, похожее на белый пар облачко движется к берегу, словно парус невидимого корабля; потом, все быстрее и быстрее, набухая и поглощая все прочие, пронзительные и глубокие краски неба, это облачко превращается в плотную дымку, которая неотвратимо, как рок, пожирает вокруг все предметы; исчезают сказочные скалистые острова, стоящие в море, как часовые, исчезают горы на горизонте, потом набережная, дома, переулки, и вот уже беспокойство, неуверенность, ужас и страх повисают над городом, словно неотвратимость; словно наказание за неведомые грехи; это значит, что день наконец-то закончился, что вечер полноправно вступает в свои права, и все невидимые отсюда, с веранды, гадкие и подлые грехи и делишки людей начинают происходить один за другим, непрерывно, с вечера и до утра, сливаясь в один огромный, общий, катящийся снежный ком; который падает сюда, на веранду, и поглощает меня целиком, заставляя дрожать от страха, покрывая потом все тело и заливая щеки нестерпимым румянцем стыда. О это бесконечное, постыдное чувство вины! (*Неожиданно улыбается.*) О это сладостное, блаженное чувство вины!

Продолжает улыбаться странной, загадочной улыбкой Джоконды, долго молчит, смотрит в сторону моря.

Какая странная двойственность: постоянно, мучительно ощущать себя маленьким, загнанным в угол зверьком, мальчиком для битья, всеобщим козлом отпущения, на которого переложили свои грехи, кажется, все в этом городе, кому только не лень, и в то же время упиваться, смаковать эти выдуманные, придуманные для меня прегрешения; знать, что я ни в

чем невиновен, в том числе и в смерти своего родного отца, который просто-напросто не выдержал жизни с опустившейся, сварливой, вечно пилящей его женой, и сбежал отсюда на первом попавшемся корабле, – знать это, а также множество других, приписываемых мне, но никогда не совершенных мною проступков, и в то же время смаковать эти мнимые, приписываемые мне грехи; замирать при мысли о том, что так действительно могло бы со мною быть; и это вместо того, чтобы наконец-то все вспомнить, вернувшись к чистой и достойной реальности, стряхнув раз и навсегда весь этот липкий, навязанный мне кошмар.

Задумывается, молчит, смотрит в сторону моря.

А может быть, все дело в том, что я не хочу ничего вспоминать? что в своей игре с чужими, навешанными на меня прегрешениями, я зашел так далеко, что мне уже ни к чему чистые и нормальные человеческие отношения? что мне нравится копаться в чужом грязном белье, примеряя на себя, словно гадкий и скверный мальчик в темной кладовке, чужие грехи и страстишки, воображая себя таким же развратным, как те, кто эти грешки действительно совершает? неужели мир грязной иллюзии ближе и понятнее мне, чем мир реальный, наполненный солнцем, счастьем и светом? о мои забытые поляны над морем, поросшие желтыми весенними первоцветами, неужели я потерял вас навсегда? о моя милая, забытая в далеком времени Анна, неужели ты никогда не дождешься моего пробуждения?

Сидит, обхватив руками голову, в отчаянии раскачивается из стороны в сторону.

Да, безусловно, грехи Кубышки, истерики Чесночка, любовные плутни Красавчика, тяжелые и грязные будни моей родной мамы, грехи всех остальных жителей этого страшного, заброшенного на краю вечности города без надежд, так увлекли, так поглотили меня, что мир реальный, существующий где-то за горизонтом, кажется мне теперь чем-то неинтересным, чем-то ненужным и пресным, чем-то таким, к чему совсем не стоит стремиться. Ведь так заманчиво, претворяясь мальчиком для битья, маленьким замученным идиотом, наблюдать со стороны эту безумную, затянувшуюся на долгие годы комедию; подыгрывать этой комедии, вводить в нее новые, несуществующие ранее персонажи, незаметно манипулировать играющими актерами, готовя для пьесы неожиданную развязку; ведь так заманчиво быть неискренним. Но ведь тогда получается, что я действительно хуже, чем те, кто меня окружаете что я действительно скверный и негодный мальчишка, на которого необходимо свалить все мыслимые и немыслимые грехи; что я достоин роли козла отпущения, и выбор, сделанный моей любящей мамой, пал действительно на того, кто его заслужил.

Пауза. Тихим, дрожащим от слез голосом.

Вот мы и пришли к тому, с чего начинали: я скверный, негодный, самый плохой из всех мальчиков; я виновен в смерти моего родного отца; и, самое главное, я совершил в детстве нечто такое, за что меня надо четвертовать; ибо таким, как я, страшным преступникам, не место в нашем цветущем городе!

Молчит, смотрит в сторону моря, медленно раскачивается из стороны в сторону.

Явление второе

Из– за поворота выходит С т а р и к; на плече у него, как всегда, старая холщовая сумка, наполненная необходимым добром, собранным в разных местах; некоторое время он молча стоит сбоку веранды и наблюдает за Г р а ф о м, который его не видит.

Г р а ф в отчаянии то сжимает руками голову, то жестикулирует и бьет кулаком по подлокотнику кресла; он находится в последней степени отчаяния, и не знает, что же ему предпринять.

С т а р и к (выходит из укрытия, останавливается напротив веранды, участливым и одновременно насмешливым голосом). Что, дружок, стало невмоготу? прижало так, что готов или повеситься, или бежать отсюда куда глаза глядят? как бежал когда-то твой насмерть перепуганный отец, которого прижало так же, как и тебя? который тоже был готов или повеситься, или спастись, как от чумы, на первом же уходящем из города корабле; прихватив впопыхах то немного, что у него еще оставалось? а именно старенький, наполненный поношенным бельем сундучок? да еще, возможно, пару стоптанных, не раз и не два чиненных башмаков? мне кажется, что у тебя нет больше времени ни на сундук, ни даже на башмаки.

Г р а ф. О чем ты, Старик, говоришь? какой сундук, какие стоптанные башмаки?

С т а р и к. Беги, Граф, беги, пока есть у тебя в запасе немного времени, пока еще не настал вечер, не потянуло с моря теплой и душной, убивающей все надежды и все мечты дымкой, не проснулась Афродита, не пришли сюда на веранду ее верные друзья и подружки, и не погубили окончательно твою бессмертную душу.

Г р а ф (протестуя). Но послушай, Старик, ты не прав, потому что я ужасный преступник, виновный в смерти родного отца; мне нет прощения ни на земле, ни на небе.

С т а р и к (со злостью). Ты ужасный дурак, если веришь во всю эту выдуманную чепуху! говорю тебе, что твой отец не погиб, и ты, его сын, никогда не совершал ничего страшного и ужасного; такого, за что можно было себя осуждать; разве что протирал девять лет штаны на веранде, – вместо того, чтобы, как все нормальные люди, взять Анну за руку, и уплыть отсюда ко всем чертям, подальше от розовых шкварок твоей милой мамаша и ее не менее милых друзей.

Г р а ф (неожиданно решившись). Хорошо, Старик, я буду говорить с тобой откровенно. Ты думаешь, я ничего не знаю про своего родного отца? ты думаешь, я не вижу, что происходит вокруг: на этой веранде, в компании маминых друзей и подруг? ты думаешь, я не вижу, что происходит в этом городе без надежд? в котором люди или зашибают деньгу, или пьют от отчаяния, или сплетничают и перебирают белье каждого встречного и поперечного? ты, видимо, считаешь меня совсем уж пропащим, раз думаешь, что я ничего этого не вижу и не замечаю!

С т а р и к. А раз видишь, то почему не встаешь, и не бежишь без оглядки?

Г р а ф (с досадой). Ах, Старик, ну как же ты не поймешь, – ведь это такая игра; понимаешь – и г р а! мы все играем в праведников и злодеев; это такая чудная пьеса, не знаю кем и для какой цели написанная, но от игры в которой замирает дух и кровь так сильно стучит в висках, что можно элементарно сойти с ума. (Вскакивает на ноги, обводит руками по сторонам.) Понимаешь, Старик, все вокруг здесь не что иное, как одна огромная сцена: весь этот город, порт с кораблями, мощные бульжником улицы, эти дома под красными черепичными крышами, эта веранда с креслом, этажеркой и гипсовой копилкой-свиньей, и мы, актеры, играющие в пьесе неизвестного автора: я, ты, Афродита, ее подруги, бесподобный Красавчик, и, конечно же, моя милая Анна; мне кажется, что пьеса эта написана Богом.

С т а р и к (кричит). Дьяволом она написана, эта твоя дурацкая пьеса, дьяволом! а ты,

безмозглый сопляк, самый отвратительный персонаж из всех, что в ней существуют!

Г р а ф (*бросаясь к перилам, упираясь в них руками, с жаром*). Но так ведь и должно быть по замыслу пьесы, Старик, так ведь и положено по всем законам ее! Я – тот самый ужасный злодей, которого непременно должны уличить, вывести на чистую воду в самом конце этой пьесы; знаешь, Старик, злодеев всегда уличают в конце, – таков закон этого грустного жанра.

С т а р и к (*кричит*). Ты сумасшедший!

Г р а ф (*грустно*). Нет, милый Старик, я вовсе не сумасшедший, я просто слишком близко принял к сердцу всю эту игру, слишком поверил этому страшному, неизвестно кем сочиненному тексту; слишком вжился в роль отрицательного персонажа. Ты знаешь, Старик, мне ведь теперь очень нравится играть эту ужасную и страшную роль; роль преступника, виновного в смерти отца, виновного в тысячах других, не менее страшных и отвратительных преступлениях; о, разумеется, это случилось не сразу, поначалу я пытался протестовать, противиться роли козла отпущения, отведенной мне в этом городе; но, знаешь, девять лет слишком большой срок, – постепенно, исподволь, роль преступника и злодея так захватила меня, так увлекла в свои страшные и таинственные глубины, что я сжился с ней плотью и кровью, поверив в нее, как верит в роль играющий на сцене актер.

С т а р и к. Ты не актер, ты всего лишь полоумный мечтатель!

Г р а ф (*мягко возражая*). Нет, Старик, я актер, я стал очень изощренным актером; мне кажется иногда, что, покинь я действительно этот город, мне бы непременно нашлось местечко в каком-нибудь столичном театре. (*С жаром.*) Понимаешь, дружище, мне теперь очень нравится переживать внутри себя все эти выдуманные, неизвестно кем сочиненные интермедии: участвовать в злодейских грабежах и убийствах, драться на ножах в пьяном кабацком чаду, убивая противника каким-нибудь необыкновенным и ловким ударом, соблазнять молоденьких и неопытных девушек, участвовать в контрабанде, в финансовых спекуляциях, в подлогах, мошенничествах, – во всем, что смогли для меня придумать, и что не придумали за недостатком фантазии все эти милые, недалекие женщины и мужчины, окружающие мою Афродиту.

С т а р и к (*отмахивается*). Ты дьявол, дьявол!

Г р а ф (*саркастически улыбаясь*). Да, друг, я действительно дьявол; девять лет – слишком большой срок; за это время можно успеть очень многое; если каждый день, ежеминутно и ежечасно, тебе говорят, что ты очень плохой, ты действительно станешь очень плохим; мне твердили об этом в течении такого долгого времени, что роль, придуманная для меня, – роль злодея, вобравшего в себя грехи целого города, – стала теперь моей плотью и кровью; нет, Старик, я уже не козел отпущения, я именно тот страшный злодей, который и необходим в этой странной, написанной для нашего города пьесе! знаешь, мне ведь теперь вовсе не хочется вскакивать, и сломя голову куда-то бежать, мне хочется доиграть роль до конца; в конце-концов, – почему бы и не поиграть, раз все этого так желают?

С т а р и к. Ну а потом, что будет потом? что случится после того, как эта дурацкая пьеса будет доиграна? ты не боишься, что так войдешь в роль злодея, так поверишь в нее, что уже никогда не сможешь встать с этого кресла, так и оставшись в нем вечным придурковатым подростком, пускающим пузыри на потеху местной невзыскательной публики?

Г р а ф (*внезапно успокаиваясь, садясь в кресло, закидывая нога за ногу, благожелательно*). Вполне возможно, так и будет, Старик; вполне возможно, что роль злодея настолько поглотит и захватит меня, что я уже никогда не выйду отсюда; но может быть и другой вариант: я уплыву из города вместе с Анной, прихватив с собой старенький, выдавший виды сундук, на дне которого будет лежать рукопись пьесы; пьесы, в которой мы все играем; в конце-концов, Старик, нельзя с пустыми руками отправляться в столицу; быть может, рукопись пьесы и будет той драгоценной монетой, тем золотым дублоном, который поможет мне и Анне начать новую

жизнь; пусть все идет своим чередом, пусть все идет строго по тексту, пусть каждый играет свою собственную, отведенную ему автором роль: я, ты, Анна, все остальные актеры этого странного театра под небесами; пусть наступит долгожданный финал, и тогда мы все наконец-то узнаем, какое будущее уготовано нам таинственным автором.

С т а р и к. Но когда же, когда, странный безумец, ожидаешь ты конца этой долгой, на девять лет затянувшейся пьесы?

Г р а ф. Пожалуйста, Старик, не задавай лишних вопросов. Приходите вечером вместе с Анной, сделайте то же, что делали и до этого: бранитесь, кричите, требуйте с Афродиты украденный у Анны ладненький перстенок, – одним словом, играйте тот же текст, что и всегда; Бог даст, финал пьесы будет не за горами.

С т а р и к. Я сделаю все, что ты мне наплел; пора заканчивать эту историю; я вижу, что тебя уговорить невозможно; до вечера, полоумный мечтатель!

Г р а ф. До вечера, Старик; до вечера, и до счастливой развязки!

С т а р и к *поспешно уходит.*

Г р а ф *остается сидеть в кресле; загадочная улыбка, похожая на улыбку Джоконды, опять играет на его бледных губах.*

Явление третье

В конце переулка показывается К у б ы ш к а; она, как утка, переваливается из стороны в сторону, выходит вперед, и останавливается напротив веранды.

К у б ы ш к а (отдувается, вытирает со лба пот). Ух ты, ну и жара, прямо как в адском пекле, а может быть, и похуже того! пока доберешься сюда по этим чертовым кривым переулкам с заколоченными крест-накрест окнами и дверьми забытых домов, по этим раскаленным от солнца бульжникам, то не захочешь и жить, так славно тебя припечете и кто только выдумал все эти кривые, оканчивающиеся обрывами закоулки, все эти канавы и рытвины, прорытые на пути доброго человека? кто только выдумал все эти заброшенные дома, просевшие от времени крыши, трухлявые лестницы и веранды, на которых годами сидят местные, пускающие разноцветные пузыри идиоты; кто только выдумал весь этот заброшенный, пропеченный на сковородке город у моря, из которого нормальные люди давным-давно сломя голову убежали, и в котором остались теперь только старые, больные и несчастные женщины, вынужденные по этой жаре ковылять неизвестно куда, рискуя или сломать себе ногу в канаве, или заживо испечься на раскаленных камнях?

Г р а ф. Наверное, Господь Бог.

К у б ы ш к а (не слыша его). И кто, не пойму, заставляет меня, несчастную одинокую женщину, вскакивать с кровати в самое что ни на есть страшное пекло, оставлять покой и прохладу родного, от матери и бабки доставшегося очага, и бежать, как влюбленная девушка, как коза по горным каменистым тропинкам, в неизвестную и непонятную даль; испытывая в душе такое странное томление и беспокойство, какое не испытывала я уже лет сто, а может, и двести?

Г р а ф (насмешливо). Наверное, дьявол!

К у б ы ш к а (от жары ничего не замечая и не слыша вокруг). Да, вот именно, испытывая странное и непонятное беспокойство, какое, бывало, испытывала я, будучи юной девушкой, в такие забытые древние времена, что уж и не упомяну теперь, были они когда-нибудь со мной, или не были; и что это право, за напасть такая прицепилась ко мне, словно злая осенняя муха, хотя за окном вовсе и не осень сейчас, а весна, да к тому же такая, что иному лету завидно станет от этой несусветной жары?

Г р а ф (так же насмешливо). Наверное, Кубышка, это весна на тебя так сильно подействовала.

К у б ы ш к а (по-прежнему ничего не слыша). И ведь вроде бы все осталось вокруг, как и прежде: по-прежнему дешевая камбала и ставрида гниет на набережной в глубоких, сплетенных из гибкой лозы корзинах; по-прежнему каждый день шатается в порту всякая приезжая матросская рвань, пропивая в пивной последнюю, заработанную в далеких морях копейку и выклянчивая у добрых людей подавание, которое добрые люди ей, конечно же, не дают; по-прежнему добрые люди или работают, не покладая рук, как Красавчик, в надежде заслужить себе в будущем спокойную и приятную старость, или, как я, Афродита и Чесночок, наслаждаются этой самой покойной старостью; хотя, если честно признаться, никому из нас еще и сорока не исполнилось.

Г р а ф. По-прежнему, да не совсем, подруга Кубышка! прозвенел третий звонок, публика затаила дыхание, занавес бесшумно раздвинулся, и второе, оно же последнее, действие пьесы стремительно спешит к своему завершению; скоро, очень скоро закончишь играть ты, подруга Кубышка!

К у б ы ш к а (*продолжает, словно бы читая отведенную ей роль*). Все вроде бы так, как и было до этого: по-прежнему кто-то зашибает денюгу, по-прежнему сладко спит до вечера Афродита, перемывает чьи-то косточки Чесночок, торгуясь на рынке за пучок засушенной зелени, разносит посетителям пенные кружки Анна, и только лишь я, несчастная и одинокая, лишенная настоящего имени женщина, бегу по этим раскаленным камням, словно бы от чумы, – бегу, подгоняемая неведомой силой, словно бы спеша на волшебное представление, которое без меня начаться не может.

Г р а ф. Не может. Кубышка, без тебя не может никак!

К у б ы ш к а (*наконец-то замечая Г р а ф а*). А, это ты, несчастный маленький идиот?! что, все сидишь, протирая штаны, все пускаешь слюни и сопли, воображая в уме всяческие невероятные приключения?

Г р а ф (*улыбаясь все той же странной улыбкой*). Да, это я, достойная женщина. Все сижу, все пускаю слюни и сопли, все воображаю разные приключения; не поднимешься ли и ты ко мне, уставшая женщина, не составишь ли несчастному идиоту компанию? не поучишь ли его уму-разуму, пока никого вокруг еще нет, и некому по этой причине дать такому злодею, как я, пару-другую дельных, необходимых в жизни советов?

К у б ы ш к а (*с трудом соображая из-за жары, не замечая издевки*). И то правда, почему бы и не подняться, не посидеть с тобой на веранде, переждав это ужасное пекло; почему бы и не дать идиоту парочку дельных, необходимых в жизни советов? не для того же я тащилась сюда по жаре, чтобы затем поворачивать восвояси; поднимусь, да посижу с тобой часок или два, подожду пробуждения Афродиты, поучу тебя, несчастный болван, уму-разуму; а там, глядишь, и другие к этому времени подойдут.

Кряхтя, забирается по лестнице на веранду, садится на подставленный Г р а ф о м стул.

Г р а ф (*нарочито суетится*). Пожалуйста, дорогая Кубышка, усаживайся, отдохай после долгой дороги; не жмет ли тебе где-нибудь в узких местах, не давит ли, и не капает сверху на голову?

К у б ы ш к а (*не понимая иронию*). Да ты, видимо, совсем уж спятил, несчастный злодей, – как может мне капать на голову, когда на небе ни облачка, ни даже маленькой тучки? сиди уж потихоньку в своем кресле-качалке, пускай сопли и пузыри, и не говори о том, чего не существует в природе; нигде мне ничего не жмет и не капает, а только устала я, как самая распоследняя дура, тащась к тебе на веранду, как на свои собственные поминки.

Г р а ф (*театрально всплескивая руками*). Ах, дорогая Кубышка, как же недалеко ушла ты от истины! именно на свои собственные поминки, именно на них пришла ты сюда на веранду!

К у б ы ш к а (*гневно, безуспешно пытаюсь подняться на ноги*). Да что ты несешь такое, щенок, совсем, видимо, ошалел от жары? до моих поминок еще никто здесь не дожил; скорее я на твоих поминках, сопляк, попирую!

Г р а ф (*так же театрально*). Ах, не гневайся, дорогая Кубышка, не гневайся, недалекая, лишенная, как персонаж пьесы абсурда, своего родного имени женщина! не гневайся, ибо уже ничего не изменишь, ибо из песни слова не выкинешь, и если в тексте записано, что ты сегодня должна умереть, то, как ни крути, а сегодня это непременно случится!

К у б ы ш к а (*кричит во все горло*). Афродита, Афродита, немедленно просыпайся! просыпайся, черт тебя побери! тебя и твоего полоумного сына.

Явление четвертое

Из окна выглядывает всклокоченная голова А ф р о д и т ы.

А ф р о д и т а (вращает из стороны в сторону глазами; она не вполне еще проснулась). Это кто тут орет, как приговоренная к смерти свинья, которую на веревке тащат на бойню? это ты тут, Кубышка, орешь, как дородная свиноматка под ножом мясника, который по ошибке всадил ей лезвие не туда, куда следует? это тебя кто-то режет посреди ясного белого дня?

К у б ы ш к а. Меня, ох, меня, Афродита, будь он неладен, твой полоумный сынок! без ножа зарезал, злодей; приговорил к смерти посреди белого дня.

А ф р о д и т а. Да что же он сделал такое, Кубышка, чем оскорбил твою ясную светлость? которую, как мне известно, ничем на свете прошибить невозможно, разве что угрозой лишить тебя ежедневной доброй выпивки и трехразового питания; что сделал тебе мой идиот?

Г р а ф (всплескивает руками). Ах, как хорошо, как чудесно, как все по тексту идет в этой божественной пьесе! говорите, милые женщины, говорите, – вы, мама, и ты, приговоренная к смерти Кубышка; особенно ты, ибо не так уж много осталось у тебя реплик в запасе, ибо конец уже близится, и скоро на ваше место придут другие, не менее, и даже более разговорчивые персонажи; говори, подруга Кубышка, говори побыстрее, выложи все обо мне, что накопилось у тебя на душе!

К у б ы ш к а (тяжело дышит, обмахивается платком). Выложи... о тебе... все, что накопилось в душе?... *(Неожиданно начинает жалобно причитать.)* Ох, я несчастная, одинокая, лишенная постоянного внимания женщина! женщина, которую, ни у кого не спросясь, может обидеть каждый щенок, каждый маленький и злобный урод, засевающий на веранде, как паук в темном углу, поджидающий свою невинную жертву! ох, бедная я, неосторожная, безвинно погибшая муха, попавшая в тенета к этому подстерегшему меня идиоту!

А ф р о д и т а (решительно ничего не понимая). Да что случилось, в конце-концов, что произошло такого ужасного, что ты кричишь, как оскорбленная девушка, которую бросили аккурат перед обручением в церкви? на рынке, что ли, тебя сильно надули, продав вместо камбалы залежалую кильку, или, не дай Бог, обсчитали на пару-другую монет, торгуясь за пучок зеленой петрушки; чего ты орешь, как раздавленная каблуком собачонка, объясни, наконец, а не то я сама сейчас закричу, даром что уже с утра ни на кого не кричала!

К у б ы ш к а (заплетающимся языком). Я... ты... торговаться за пучок зеленой петрушки...

Г р а ф (хлопает в ладоши, облокотясь спиной о перила). Ах, как хорошо, как колоритно они говорят!

А ф р о д и т а (не обращая на сына внимания). Ну хорошо, подожди, сейчас я выйду к тебе на веранду; не с идиотом же, в самом деле, разговаривать тебе в одиночестве; он ведь кроме того, чтобы слюни пускать, да смотреть часами в сторону моря, ничего абсолютно, злодей, не умеет!

Скрывается за занавеской, гремит, натыкаясь на что-то, в комнате, потом выходит, потягиваясь, на веранду, садится на стул рядом с К у б ы ш к о й.

Г р а ф (продолжая стоять, облокотившись спиной о перила). Ах, мама, как не вовремя вышли вы сюда, на свет полдневного солнца; все сегодня происходит не вовремя, решительно все, и это еще раз подтверждает одну очень безумную, очень сумасшедшую мысль.

А ф р о д и т а (равнодушно). У тебя, несчастный, все мысли безумные; садись уж лучше на свое старое кресло, смотри на свое вечное море, мечтай о чем-нибудь безумном и невозможном, – о своих весенних зеленых полянах над морем, о желтых цветах, о венках из них

на голове у неких придурков, возомнивших себя взрослыми и свободными, – мечтай, одним словом, о чем угодно, хотя бы даже о том, что ты умней всех нас вместе взятых, что скоро ты станешь большим и взрослым, а мы, наоборот, или умрем, или пересядем на твое позорное место, в твое позорное трухлявое кресло, чтобы вместо тебя пускать на нем слюни и пузыри. *(Презрительно кивает на кресло-качалку.)*

Г р а ф (радостно-оживленно). Хорошо, мама, я так и буду делать: мечтать о чем-то очень несбыточном; поменяться местами с вами со всеми, пересадить кого-то из вас в это старое позорное кресло, – ах, какой неожиданный, какой чудесный конец всей этой грустной и долгой истории; поистине, мама, необыкновенные и светлые мысли рождаются сегодня у вас в голове!

А ф р о д и т а (строго). Но-но, не балуй! сиди себе тихо, как и положено настоящему идиоту, играй свою роль и не вмешивайся в дела взрослых людей!

Г р а ф (радостно). Да, да, именно так, – каждый должен играть свою собственную, специально для него сочиненную роль; умолкаю, немедленно умолкаю, и, как мне и положено в этой истории, начинаю думать о несбыточных происшествиях.

Некоторое время все трое молчат: Г р а ф повернулся спиной, и смотрит в сторону моря; К у б ы ш к а отдувается и напрасно силится что-то сказать; А ф р о д и т а сыто щурит глаза, не совсем еще придя в себя после вынужденного пробуждения.

На мостовую стремглав выскакивает Чесночок.

Чесночок (она очень возбуждена). Бежала, бежала, и наконец добежала! вы не поверите, дорогие подружки, но то, что я вам сейчас расскажу, перешло уже все нормы приличия!

Афродита (насмешливо). Что, камбала на рынке неожиданно подешевела, или пучок редиски стал стоить дороже, чем стоил вчера; чем ты так сильно взволнована, Чесночок? поднимайся сюда на веранду, и расскажи нам все по – порядку, самую суть, и ничего не скрывая.

Чесночок (поднимаясь по лестнице на веранду и останавливаясь напротив сидящих т о в а р о к). Бежала, бежала, так сильно, и все по этой проклятой жаре! а вокруг, представьте себе, ни души, только лишь одни заколоченные двери и окна; и тишина, как будто все здесь давно уже умерли, и не осталось никого, кроме меня, несчастной, перепуганной насмерть женщины.

Афродита (так же насмешливо). Да что же перепугало тебя, Чесночок, говори побыстрей, не маячь здесь у нас перед глазами.

Чесночок (скороговоркой, сбиваясь от излишнего рвения, подскакивая на месте). А то и испугало, дорогая подружка, то и доконало меня окончательно, что внезапно пришедшая в голову мысль: а не сошла ли ты с ума, Чесночок, от этой жары, и не снится ли тебе все это во сне?

Граф (не поворачивая головы, продолжая смотреть в сторону моря.) Здравая мысль, Чесночок, очень здравая, поздравляю тебя!

Чесночок (не замечая насмешки). Да, подружка моя Афродита, да, внезапно пришедшая в голову мысль: а не снится ли мне это во сне: весь этот город, все эти заколоченные нежилые дома, весь этот рынок, заваленный до неба корзинами с тухлой рыбой, горами зелени, и всяческих нужных в хозяйстве вещей, – родной мой, с детства знакомый рынок, который знаю я как пять своих кровных пальцев, который взрастил меня, научил уму-разуму, и вообще всему, что должен знать образованный человек; не снятся ли мне рыночные торговки, такие обычно шумные и сварливые, застывшие на этот раз в полдневном солнечном свете, как манекены в витринах готового платья; не снюсь ли сама я кому-нибудь в страшном кошмаре, – какому-нибудь законченному, годами сидящему в тишине идиоту?

Граф (поворачивается к Чесночку). Например – мне, любезная Чесночок, ибо других идиотов, кроме меня, в этом городе вроде бы нет?

Чесночок (крестясь, пятясь задом и падая на стул, вовремя подставленный Афродитой). Сгинь, сгинь, проклятый злодей, твоим кошмаром быть хуже всего! уж лучше я за бесценок буду сбывать вяленую петрушку, уж лучше я сама буду торговать тухлой ставридой!

Граф (весело улыбаясь). Почему обязательно кошмаром, любезная Чесночок? а может быть, – ты всего лишь плод моего одинокого, вдохновленного морскими далями и пейзажами воображения? а может быть, – это я тебя придумал, достойная женщина; просто так, от безделья, от одиночества, чтобы хоть чем-то занять свои скучные, однообразные будни?

Афродита, открыв рот, смотрит, абсолютно ничего не понимая, на Графа; ей необходимо время, чтобы хоть что-то сообразить; Чесночок чрезвычайно напугана перспективой быть кем-то придуманной; Кубышка же, напротив, немного пришла в себя и готова уже дать наглецу достойный отпор.

Кубышка (гневно). Ах ты, паршивый щенок! это кто здесь кого выдумал от безделья? это ты Чесночка выдумал от безделья? а может быть, ты и мать свою выдумал от безделья; может

быть, она тебя никогда не рожала, и ты вообще появился на свет неизвестно откуда; от Духа Святого, от сырости, от неизвестно чего?

Г р а ф (*весело*). Нет, Кубышка, конечно же нет; вначале все было, как и положено, и меня действительно родила Афродита; потом, согласно легенде, было беспечное и веселое детство, шум прибоя, зеленые поляны над морем, поросшие желтыми весенними первоцветами, беспечные забавы, мечты и клятвы в вечной любви, – все это к сожалению, омрачилось смертью отца; которая была как бы и не смерть, а бегство в неизвестность на первом попавшемся корабле; потом я совершил нечто страшное и ужасное, такое необыкновенно злодейское, за что меня мало четвертовать, и участь идиота отныне стала моим постоянным, ежедневным уделом; зеленые весенние поляны над морем сменились вот этой вечной верандой, стоящим на ней креслом-качалкой, запахом шкварок, звоном монет в брюхе гипсовой копилки-свиньи и ролью вечного козла отпущения, вобравшего в себя грехи всех жителей этого города; я стал общим пугалом, потехой, мальчиком для битья, злодеем, которым пугают детей в колыбели, вещью крайне необходимой и ценной, ибо отныне любое несчастье, любой промах, злодейство и преступление можно было свалить на меня; постепенно, – а длилось это все очень долго, – судьба и участь отрицательного персонажа настолько захватила, настолько поглотила меня, что я действительно во все это поверил; мне даже стало доставлять удовольствие примерять на себя чужие грехи, я стал неким подобием извращенца, ну а все вы, – вы теперь уже не могли жить без меня, ибо я теперь был тем тайным стержнем, тем фундаментом, на котором отныне держалась жизнь целого города; я стал вашим тайным хозяином.

К у б ы ш к а. Идиот, ты хозяин своего старого кресла!

Г р а ф (*мягко*). Нет, дорогая женщина, нет, я стал теперь вашим хозяином, таким же, и даже более необходимым, чем воздух, вода и ваша пагубная страсть к прегрешениям; которая со мной только усилилась, и достигла такого масштаба, что, встань я сейчас с этого кресла, покинь сейчас этот город, – страшные катаклизмы, вроде землетрясения, мора, дождя из серы, наводнения, цунами, нашествия саранчи и прочего обрушатся на вас, как наказание за грехи; как неизбежная плата за ваше коллективное зло. Вы просто исчезнете, провалитесь все вместе под землю, перестанете существовать, как слепленный из песка, и смытый затем волнами призрачный замок.

К у б ы ш к а. Ты идиот!

Г р а ф (*саркастически улыбаясь*). Вы все теперь существуете настолько реально, насколько мне интересно думать о вас, принимать во внимание ваше призрачное, лишенное высокого смысла существование. Вы все теперь не более, чем город-призрак, люди-идеи, странные, лишенные своего имени персонажи, герои пьесы абсурда, выдуманной и записанной мной от нечего делать, от безделья, от лени, в долгие и душные майские вечера, здесь, на веранде, в этом уютном кресле-качалке; пьесы, дорогая Кубышка, особенно такие, которые стали реальной жизнью, пишутся вообще от безделья; ты, милая женщина, рождена моей скукой и ленью, ты – продукт моего вялого воображения, проходной персонаж, совершенно ненужный и даже лишний в сильном и динамичном конце, который сейчас как раз наступил; ты мне более не нужна, ты мешаешь мне и остальным персонажам, а поэтому, к сожалению, твое присутствие здесь стало обременительным. (*Продолжает улыбаться саркастической и одновременно грустной улыбкой.*)

А ф р о д и т а. Ну и наплел, идиот, ну и наговорил, сам, очевидно, не зная, о чем; это все, Кубышка, жара, она на всех действует отрицательно: и на идиотов, и на нормальных людей.

К у б ы ш к а (*начинает нервничать, задыхаясь*). Да, да, это все от жары; наплел, сам не зная, о чем; идиот, а туда же, вмешивается в жизнь нормальных людей! (*Хрипит, дергается в конвульсиях.*) Идиот, идиот, идиот! (*Умирает; сидит все последующее время с открытыми*

глазами, словно живая.)

А ф р о д и т а (грузно поднявшись, подойдя к мертвой К у б ы ш к е, основательно ощупав ее и осмотрев.) Надо же, умерла! а сидит, словно живая; это все, Чесночок, от жары; это все жара так отрицательно действует, – и на мертвецов, и на всех остальных; все теперь друг на дружку похожи; ну да ничего, пускай посидит здесь на стуле, отдохнет в холодке, последний раз побудет в нашей компании; мертвый, он ведь никому не мешает, он ни каши не просит, ни в карты тебе из-за руки не подглядывает. *(Хихикает над своей остроумной репликой.)*

Грузно идет, переваливаясь из стороны в сторону, к этажерке, берет в руки свою гипсовую свинью, и начинает ее укачивать, словно ребенка. Некоторое время слышатся только ее уханья, оханья, и причитания.

Ч е с н о ч о к сидит на стуле, открыв от ужаса рот, силясь что-то сказать, но ничего не говорит, а только лишь жестикулирует и мигает глазами.

Г р а ф благожелательно за всем наблюдает.

А ф р о д и т а (с копилкой в руках, обратив внимание на мимику Ч е с н о ч к а, перестав на время укачивать и причитать). Вот тебе и подарочек, – одна неожиданно умерла, а другая, кажется, окривела! (Смотрит внимательно на Ч е с н о ч к а, которая по-прежнему ничего не может сказать.) Так и есть, действительно окривела *(Продолжает укачивать копилку-свинью.)*

Явление шестое

На веранду стремительно вбегает К р а с а в ч и к.

К р а с а в ч и к (подбегает к А ф р о д и т е, берет ее за руку, подносит к губам и целует). Целую руку, прекрасная Афродита! подлинная, великолепная, вылепленная из белого мрамора Афродита, – настоящая богиня этого города!

А ф р о д и т а (смущаясь, бережно опуская копилку на этажерку). Ну ты и скажешь, Красавчик, ну ты и вгонишь женщину в краску; вот что значит настоящий мужчина, вот что значит настоящее обхождение! *(Смотрит на К у б ы ш к у и Ч е с н о ч к а, неожиданно плаксивым голосом.)* А наша ведь Кубышка того, – умерла!

К р а с а в ч и к (небрежно, весело). Плевать на Кубышку, плевать на всех остальных; мы с тобой живы, и это самое главное!

А ф р о д и т а (так же плаксиво и неуверенно). А Чесночок от испуга говорить перестала.

Ч е с н о ч о к в подтверждении этих слов усиленно жестикулирует, показывая трагизм своего положения.

Г р а ф сидит в кресле, закинув нога на ногу, и с интересом за всем наблюдает.

К р а с а в ч и к (так же весело и небрежно). Плевать на немых, Афродита, а также на всех остальных: кривых, хромых и убогих; плевать на тех, кто не умеет работать локтями! на всех неудачных пловцов, идущих ко дну в бурном и беспокойном жизненном море! Ах, любезная и несравненная Афродита, богиня местных непроходимых и непролазных трупоб, единственная женщина, единственная королева этих призрачных мест; как же волнуешь ты кровь настоящих, прошедших огонь и воду мужчин; как же хочется, как же не терпится одному из этих мужчин сделать тебе некоторое интересное предложение!

А ф р о д и т а (потупив глаза, играя роль молоденькой девушки). Так что же тебе мешает, Красавчик, почему ты не делаешь этого интересного предложения? я вся внимание, вся трепещу; сделай же мне его, настоящий мужчина, сделай немедленно!

К р а с а в ч и к (наигранным тоном). Небольшое препятствие Афродита, совсем небольшое, но которое как раз и мешает настоящему, прошедшему огонь и воду мужчине сделать тебе это интересное предложение.

А ф р о д и т а. Какое же это препятствие, достойный мужчина; такого ли оно свойства, которое невозможно преодолеть?

К р а с а в ч и к (доверительно, беря А ф р о д и т у за локоть). Ах нет, любезная Афродита, вовсе нет! препятствие это совершенно ничтожно; все дело, видишь ли, в Анне.

А ф р о д и т а (с удивлением). В Анне?

К р а с а в ч и к. Да, тысячу чертей, именно в Анне, в ней и состоит то препятствие, о котором я говорю. *(Берет еще плотнее за локоть х о з я й к у, прогуливается с ней по веранде.)* В этой маленькой подавальнице пива, в этой юной и строптивой гордячке, в этой нищенке, не имеющей за душой ничего, кроме обещания некоего идиота жениться на ней и увезти отсюда в столицу. *(Театрально.)* Ах, Анна, Анна, как же неправильно, как неразумно ведешь ты себя последнее время!

А ф р о д и т а (порывисто). Я выцарапаю ей глаза; я оболью ее с веранды помоями!

К р а с а в ч и к (морщится). Нет, Афродита, не то, вовсе не то; никаких помоев, никаких угроз выцарапать глаза! поступим иначе, умнее и тоньше; без всяких этих эксцессов, которые, чего доброго, окончатся еще чьей-либо смертью; хватит эксцессов, милая Афродита, хватит смертей, в городе и так, кроме нас, никого, кажется, не осталось; сделаем, как говорил я, умнее и тоньше: отдадим ей тот самый перстень, который Граф вместе со Стариком обнаружил на

берегу в куче мокрых, гниющих на солнце водорослей.

А ф р о д и т а (удивленно). Отдать Анне перстень?

К р а с а в ч и к. Да; пусть, интриганка, подавится; пусть уберется ко всем чертям вместе с этой великодушной подачкой.

А ф р о д и т а (продолжая удивляться). Отдать ей этот чистой воды изумруд? ей, маленькой разносчице дешевого пива; возомнившей о себе невесть что протиральщице грязных столов? ни за что!

К р а с а в ч и к (мягко, настойчиво). Так надо, божественная Афродита; так надо, слепленная из белого теста богиня местных заброшенных Палестин. *(Видя ее сопротивление, решительно.)* Надо во имя того предложения, о котором я говорил в начале беседы. *(Скучающим голосом.)* В конце-концов, выбирай: или перстень, или скорое и неожиданное предложение.

А ф р о д и т а (кокетливо бьет его по руке). Ах, негодяй, чего не сделаешь ради любви! хорошо, я согласна, пусть подавится этим перстнем; сегодня же вечером швырну его ей в лицо.

Я в л е н и е с е д ь м о е

Из– за поворота выходят С т а р и к и А н н а.

А ф р о д и т а (с издевкой). А вот и они, явились – не запылились! а вот и она, подлая интриганка, пришла за добычей, за лакомым, вырванным у нее из пасти куском; ну что же, пусть немного попросит, пусть потанцует здесь у меня под верандой, пусть всем нам сыграет сцену невинной, оскорбленной пастушки; а без этой сцены ни за что у меня перстенок не получит!

А н н а (прячась за С т а р и к а, робко). Афродита, отдай мне мой перстенок; отдай, мне подарил его Граф, тебе он все равно ни к чему, – он не налезает тебе даже на кончик мизинца!

А ф р о д и т а (с той же издевкой). Да, ты права, маленькая подавальщица дешевого пива, – он не налезает мне даже на кончик мизинца! *(Достает со своей шеи шнурок с привязанным к нему перстнем и тщетно пытается надеть его на толстый мизинец.)* Да, ты права, но это не имеет равным счетом никакого значения, потому что такие ценные и чистые изумруды нельзя носить слишком открыто, – особенно в нашем, таком беспокойном, наполненном разных опасностей городе; такие ладные изумруды надо хранить в прочных и больших сундуках, доверху наполненных разными приятными драгоценностями; в таких же, как эта доверху набитая монетами свинка. *(Подходит к этажерке, прижимается к копилке щекой, что-то мурлычет про себя, гладит пальцами выпуклые гипсовые бока.)*

С т а р и к (кричит). Перестань ерничать, Афродита, отдай Анне ее перстенок; отдай, старая и неопрятная женщина, не издевайся над чувствами этих невинных, созданных друг для друга детей!

А ф р о д и т а (отрываясь щекой от копилки, с удивлением уставившись на С т а р и к а). А, это ты, добрый и грозный рыцарь, странствующий покровитель нищих девчонок, которым больше не на кого опереться? *(Размахивается, бросает шнурок с перстнем на мостовую, кричит А н н е.)* На, подавись, и помни мою доброту; помни, лишенная поддержки и покровительства маленькая и смешная мечтательница!

А н н а ловко выскакивает из-за спины С т а р и к а, поднимает с мостовой перстень, зажимает его в ладони, и, быстро взбежав по лестнице на веранду, становится рядом с К р а с а в ч и к о м, откровенно прижимаясь к нему.

К р а с а в ч и к, обняв А н н у за талию, смущенно смотрит на А ф р о д и т у.

К р а с а в ч и к (смущенно и одновременно нагло). Извини, Афродита, извини, дело житейское, особенно в нашем погибшем городе; здесь, как ты знаешь сама, палец в рот нельзя класть никому; здесь или ты должен кого-то по-крупному обмануть, или кто-то другой тебя самого обманет по-крупному. Сегодня, как ты сама, видимо, понимаешь, я тебя изрядно надул;

ну а завтра, вполне возможно, ты ответишь мне той же монетой.

А ф р о д и т а (кричит). Подлец, негодяй, а как же твои ласковые намеки; как же то заманчивое предложение, которое ты собирался сделать мне в ближайшее время?

К р а с а в ч и к (разводит руками). Извини, Афродита, я просто очень нуждался в деньгах; продав этот перстень, я стану хозяином местной пивнушки, которая как раз в эти дни очень выгодно по случаю продается. *(Доверительно.)* Нынешний хозяин ее, видишь ли, терпеть не может всю эту пришлую, залетную матросскую шваль, с утра и до вечера околачивающуюся в его заведении; ну а я, – я, Афродита, привык к этой залетной швали; равно как и к швали местной, которая подчас во много раз хуже и опасней залетных матросов; впрочем, не мне тебе об этом рассказывать.

С т а р и к (сокрушенно качает головой, жестикулирует руками). Но Анна, Анна, – какую роль сыграла в этом обмане Анна?!

К р а с а в ч и к (самодовольно). Анна сыграла роль моей тайной жены; мы поладили с ней около года назад, и ждали только удобного случая, чтобы всем объявить о нашем союзе; превратить наш брак из тайного в явный.

Г р а ф (сокрушенно). Ах, Анна, Анна, забытая моя девочка с венком из желтых, только-только распустившихся первоцветов! как же ты могла меня не дожждаться! как же ты могла все так грубо и больно испортить? впрочем, что такое я сейчас говорю, – ведь это я сам, здесь, на веранде, в часы полдневного упоительного сочинительства, выдумал такой грустный конец!

А н н а (неожиданно зло). Как я могла тебя не дожждаться? тебя, потерянный для времени и людей идиот, застрявший навечно в своих нелепых детских мечтах? а так и могла, дружок, так и могла, что время, как не останавливай его, неумолимо идет вперед, и маленькая, беспечная, босоногая девочка незаметно для себя и других повзрослела; стала взрослой, трезво смотрящей на вещи женщиной; если несколько лет подряд, одинокий мечтатель, протирать тряпкой столы и разносить матросам пенные кружки, получая по заду шлепки и выслушивая разные грязные предложения, поневоле потеряешь любые иллюзии; если несколько лет, маленький идиот, жить среди нищеты и разврата, напрасно ожидая твоего пробуждения, поневоле станешь практичной и злой, такой же, как все другие здешние женщины; с волками, миленький, жить, по волчьи, миленький, выть!

Г р а ф (сокрушенно бьет кулаками по подлокотникам кресла). Да, я это знал, я знал! я сам все это выдумал от безделья!

К р а с а в ч и к (весело). Афродита, не в службу, а в дружбу, не принесешь ли ты сюда бутылку портвейна, не выпьем ли мы все сейчас по стаканчику, – живые, мертвые, бездомные, полоумные, кривые, обманутые, и Бог еще знает, какие, – и не начнем ли опять все сначала? ведь жизнь, Афродита, как ни крути, продолжается, и город наш пока еще не провалился в тартарары, хоть некоторые и предрекали нам этот неизбежный конец, а потому надо жить, и держаться один за другого! *(С т а р и к у.)* Иди сюда, нищий бродяга, иди, не бойся, выпей стаканчик винца за будущую хозяйку выгодного заведения! *(Обнимает за талию А н н у, целует ее в щеку; потом обращается к Г р а ф у.)* Вставай и ты, маленький идиот, со своего вечного трухлявого кресла, и постарайся немножечко повзрослеть; подними стакан за меня и за Анну, – за нашу такую неожиданную помолвку, разрушившую планы стольких людей!

А ф р о д и т а покорно уходит в комнату и возвращается оттуда с подносом, на котором стоит бутылка и несколько граненых стаканов, молча ставит поднос на стол;

К р а с а в ч и к разливает портвейн, подносит стаканы всем присутствующим на веранде, по ошибке даже умудряясь вставить стакан в руку мертвой К у б ы ш к и, которая в дальнейшем так и сидит со стаканом в руке.

К р а с а в ч и к (провозглашая тост). За Анну, за мое наконец-то обретенное счастье!

(Чокается с присутствующими.) Не грусти, Афродита, из-за этого ладного перстенька, у тебя ведь еще остался сундук, – большой и прочный матросский сундук, наполненный доверху разными драгоценностями; всем тем бесценным добром, которое многие годы подряд приносил в дом твой несчастный сынок; они ведь со Стариком чего только не находили на берегу!

Афродита (с досадой). Ну да, как бы не так! сундук этот совершенно пустой; в нем нет ничего, кроме старого, давно уже истлевшего хлама.

Граф. Вы ошибаетесь, мама, сундук этот полон бесценных сокровищ!

Афродита (зло). Да что ты такое говоришь, полоумный? какие сокровища, одна лишь бумага, давно пожелтевшая и покрытая пылью!

Ставит стакан на стол, грузно уходит в комнату, гремит там вещами, и возвращается с небольшим, окованным железными полосами сундучком; с шумом ставит его на пол, открывает, и вытаскивает старую пыльную рукопись; швыряет ее Графу под ноги.

Вот оно, твое сокровище, идиот! Вот они, твои бесценные и ладненькие перстеньки, твои дублионы, червонцы и золотые цепочки; можешь забирать их себе, подавись ими, несчастный придурок!

Граф бережно поднимает рукопись, сдувает с нее пыль, прижимает к груди.

Старик неожиданно бросается к сундуку, припадает к нему, целует открытую крышку, замирает на какое-то время.

Старик (после паузы, поглаживая дрожащими пальцами крышку и бока сундука). О мой старый, матросский, на долгие годы забытый сундук! о мое старое, на долгие годы забытое прошлое: моя веранда, мой дом, мой ребенок, мое внезапное бегство отсюда; бегство, из которого не вышло ровным счетом ничего путного. *(Поднимает глаза на Графа.)* Да, Граф, да, я – твой отец; тот самый непутевый отец, который бежал отсюда в надежде на лучшую жизнь, – оставив позади дом, жену и ребенка, оставив даже свой матросский сундук, – и который возвращается теперь к тебе в образе старого, ни на что не годного оборванца; прости меня, сын, прости, и не суди слишком строго; я не нашел за морем тот сказочный рай, о котором мечтал, и вынужден вновь возвратиться в дом, из которого когда-то ушел.

Граф. Не мне тебя судить, отец, ты поступил так, как должен был поступить.

Красавчик (весело). Все к лучшему, Афродита, и не с моей ли легкой руки ты вновь обретаешь семейное счастье? *(Поднимает вверх стакан.)* За это надо обязательно выпить! *(Пьет, обменивается понимающим взглядом с Анной.)*

Афродита (равнодушно). Бывает и не такое; недаром мне нынче ночью снился гроб, полный доверху блестящего жемчуга.

Анна (весело). Это, Афродита, к перемене погоды!

Красавчик (так же весело). Или к покойнику! *(Указывает на Кубышку.)*

Старик. Или к концу грустной истории.

Граф. Да, это к концу, который, возможно, станет началом; ты, милый Старик, возвратился в свой заброшенный дом; настал мой черед покинуть его.

Старик (протягивая к Графу руки). Не делай этого, Граф, умоляю, не делай! не слушай моих прошлых призывов; пройдет много лет, и ты вновь возвратишься сюда, – таким же старым, больным и бездомным, таким же безумным, как я, твой блудный отец; таким же лишенным имени персонажем; Старик, пришедший неизвестно откуда, – вот, как будут тебя называть!

Граф. Поздно, отец, уже слишком поздно что-либо менять и переписывать заново; все линии этой пьесы сошлись в одной точке – здесь, на веранде, в душный и жаркий весенний вечер; точно такой, какой был тогда – девять лет назад, возможно даже день в день. *(Проводит рукой по глазам, потом лихорадочно листает рукопись пьесы, находит последнюю страницу,*

несколько мгновений молчит, затем начинает читать вслух.) Итак, я вспоминаю его, тот солнечный день, когда мы с Анной, счастливые и беззаботные, вернулись домой, – вот сюда, на эту веранду (*делает жест рукой*); мама, как всегда в последние дни, была очень хмурая и сердитая; она очень досадовала на отца, который посмел покинуть семью, и бросил ее на съедение местным кумушкам; у которых, впрочем, немного ранее произошли те же самые неприятности. (*Отрывается от чтения, смотрит на персонажей.*)

А ф р о д и т а (гневно). Щенок, да как ты смеешь обсуждать нашу личную жизнь? (*К р а с а в ч и к у.*) Заткни ему глотку, будь мужчиной, иначе он, чего доброго, действительно перестанет быть идиотом! иначе все мы, чего доброго, действительно провалимся в тартарары!

Г р а ф (продолжает чтение, делает предостерегающий жест в сторону К р а с а в ч и к а). Итак, мы с Анной вернулись сюда, на веранду. Мама, как всегда в последнее время, была хмурая и зла на весь белый свет. Она сразу же бросилась на меня и на Анну, называя маленькими попрошайками и бездельниками; которым, вместо того, чтобы собирать цветы на полянах и забавляться среди зеленой травы, представляя себя сказочными принцами и принцессами, следовало бы подумать о своей будущей жизни. Она говорила очень много и очень сердито, и я, чтобы как-то ее успокоить, подошел к этажерке (*смотрит на этажерку, кладет на нее рукопись пьесы*), и взял в руки мамину гипсовую свинью; смешную мамину куклу, в животе у которой постоянно что-то урчало (*берет в руки гипсовую свинью*). Потом неожиданно, словно бы подталкиваемый кем-то извне, скорее из озорства, досадуя на непрерывную мамину брань, разжал пальцы, и...

Разжимает пальцы, и гипсовая свинья с треском падает на пол, расколовшись на мелкие части и разбрасывая по сторонам кучи разных монет.

(С просветлевшим лицом.) Всего лишь разбитая гипсовая свинья, и в этом заключено все мое злодейство и сумасшествие!

А ф р о д и т а затуманенным взглядом смотрит на пол, подходит, качаясь, к креслу, падает в него, и застывает, закинув голову кверху. Потом начинает смеяться.

П р и с у т с т в у ю щ и е смотрят на А ф р о д и т у с испугом и сожалением.

Все громче и громче непрерывный смех А ф р о д и т ы.

К о н е ц

1998